

ДЭВИД ДЖАЭР

ВЕДЬМА

с Лайм-стрит

Annotation

Кто она? Королева мошенников, за которой не уследить в темноте спиритического сеанса даже с помощью светящихся браслетов, или настоящий медиум, говорящий голосом духов? Таинственная Марджери Крэндон, ироничная и привлекательная жена профессора хирургии из Гарварда, разоблачить которую стало делом чести для величайшего иллюзиониста Гарри Гудини. Милая блондинка с небесными глазами, очаровавшая жюри журнала «В мире науки» в борьбе за приз в пять тысяч долларов и грозящая смертью Королю фокусников... В опасной схватке, за которой следили по обе стороны Атлантики, ставки оказались слишком высоки...

Дэвид Джаэр

Ведьма с Лайм-стрит

Переведено по изданию:

Jaher D. The Witch of Lime Street: Séance, Seduction, and Houdini in the Spirit World / David Jaher. – New York: Crown Publishers, 2015. – 448 p.

© David Jaher, 2015

© DepositPhotos.com / cokacoка, 85cornelia, nejron, rabbit75_dep, zastavkin, обложка, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

* * *

Эта прекрасно написанная и восхитительно таинственная история о призраках и мошенниках в эпоху джаза появилась в результате кропотливого анализа источников. Дэвид Джаэр пишет о противостоянии науки и спиритизма с очаровательной смесью сочувствия, скептицизма и саспенса. Эта книга – великолепный дебют Джаэра как в качестве историка, так и в качестве литератора.

Дэбби Эпплгейт, лауреат Пулитцеровской премии, автор книги «Самый известный человек Америки»^[1]

Восхитительный дебют! Это и книга, от которой невозможно оторваться, и незабываемая история о противостоянии, в котором ставки слишком высоки.

Дэвид Кинг, автор бестселлеров «Смерть в городе света»^[2] и «Вена, 1814»

Великолепно изложенная детективная история о медиуме начала двадцатого века, восхищавшей последователей и ставившей в тупик даже таких знаменитых скептиков, как Гарри Гудини. Эта потрясающая книга Дэвида Джаэра представляет поистине прекрасное исследование нашей системы мировоззрения, она полна и волшебства, и рационализма. Могу гарантировать вам, что, когда вы закончите эту книгу, вам захочется сесть и прочитать ее снова. Именно так я и поступила.

Дебора Блум, лауреат Пулитцеровской премии, автор книг «Охотники за призраками» и «Настольная книга отравителя»^[3]

Похоже на коллекцию таинственных карт Таро – доски «уиджа», странные женщины-медиумы, и да, наш друг великий Гудини. Читайте на свой страх и риск.

Лили Коппел, автор книги «Клуб жен астронавтов», вошедшей в список бестселлеров по версии газеты «Нью-Йорк Таймс»

Занимательный стиль изложения и ярко выведенные персонажи воссоздают дух тех былых времен и отражают характерное для начала века увлечение спиритуализмом. Потрясающая книга! Дух захватывает!

«Киркус Ревьюс»

Проведя кропотливое исследование, Дэвид Джаэр написал интереснейшую книгу о во многом позабытой главе англо-американской истории – возрождении спиритуализма после Первой мировой войны, обусловленном желанием говорить с духами погибших солдат. Великолепен и выбор центральных фигур книги, мастерски описанных героев, начиная от Гарри Гудини, рьяного сторонника рационализма, и заканчивая Марджери Крэндон, самопровозглашенным бостонским медиумом, которая обрела огромное количество сторонников. На глубинном уровне это книга-предостережение о том, каким причудливым и болезненным может быть обман и самообман, когда речь идет о нежелании людей смириться с бесповоротностью смерти – в особенности смерти молодых.

Сьюзан Джакоби, автор книг «Вольнодумцы» и «Эпоха американской неразумности»^[4]

Книга Дэвида Джаэра о странном повальном увлечении спиритуализмом и спиритическими сеансами в 1920-е годы – захватывающая, как мистический триллер, точно отражающая дух послевоенного десятилетия, как документальное исследование, и будоражащая, как история о привидениях. Она дарит возможность совершить потрясающее путешествие во времени в позабытую эру.

Кейт Буфорд, автор книги «Подлинный сын Америки: жизнь легенды спорта Джима Тропа»^[5]

В книге описаны результаты проведенного Джаэром тщательного исследования обстоятельств, при которых журнал «В мире науки» объявил о поиске подлинного медиума и награде за доказательство способностей. Я не могла оторваться от книги: так мне хотелось узнать, чем же все завершится. Чтобы не портить ваше впечатление раскрытием сюжета, скажу только, что исход величайшего состязания экстрасенсов двадцатого века завершится совсем не так, как вы думаете.

Стэйси Хорн, автор книги «Невероятное: изучение призраков, полтергейста, телепатии и иных удивительных феноменов лабораторией парапсихологии Дьюкского университета»^[6]

Посвящается моей бабушке, Генриетте Джаэр, и памяти ее сына, моего отца, Фредерика Копла Джаэра

Магия есть... подлинная наука, философия наиболее возвышенная и наиболее таинственная^[7].

Генрих Корнелий Агриппа

Часть I. Мертвые мальчики

*Окстись, окстись! Не возложи на чадо руку!
Раскрой глаза и посмотри перед собою:
Вон в зарослях овен запутался рогами –
Его и принеси ты в жертву, а не сына.
Не внял словам – пролил родную кровь старик...
Ну а затем по всей Европе – вжик, вжик, вжик^[8].*

Уилфред Оуэн

Женщина в черной бархатной накидке, миновав вращающуюся дверь отеля «Гросвенор», пустилась в медленный вальс по мраморному холлу, сжимая в обеих руках по небольшому флагу Великобритании. Джентльмены, прохладившиеся в холле, увидели, как она протанцевала мимо салона, в котором все притихли – как молчали всего мгновение назад на спиритическом сеансе. Практически синхронно мужчины в холле отложили газеты и вскочили. Такое зрелище в одиннадцать утра – и в столь солидном отеле, как «Гросвенор», – могло означать лишь одно: мальчики наконец-то добились своего! Сэр Артур Конан Дойл был одним из первых, кто вскрикнул от радости. Почти четыре года знаменитый автор детективов демонстрировал неуклонную поддержку военной кампании. Невзирая на чудовищную цену, которую страна платила в войне, он был глубоко убежден, что победа того стоит.

Как и многие родители Великобритании, сэр Артур сразу же подумал о сыне. Таким мальчикам нация обязана победой! Капитан Кингсли Дойл из Первого Хэмпширского йоменского полка получил орден за битву при Аррасе и был ранен в битве на Сомме. К облегчению отца, Кингсли недавно перевели в Лондон. Сэр Артур видел его всего две недели назад – он казался «отважным и уверенным в себе, как и всегда». Теперь для всех них эта долгая война закончилась. С улицы доносились радостные возгласы. Женщина в черном ушла, не сказав ни слова. Сэр Артур последовал за ней и вышел на улицу, чтобы присоединиться к празднованию победы 11 ноября 1918 года.

Он не знал, откуда вдруг столько флагов, но казалось, что флагами машут из каждого окна на Бакингам-Палас-роуд. Какой-то старик запустил хлопушку, будто настали новогодние праздники. Гудели клаксоны. Рвались петарды. Лондон ходил ходуном. Влекомый толпой, вывалившей с Виктория-стрит, сэр Артур где-то потерял шляпу. Подобрал чужой котелок, он продолжил путь к Букингемскому дворцу. Неподалеку от улицы Мол группка развеселых солдат присоединилась к толпе девушек в комбинезонах – работниц военного завода. Молодая девчушка, забравшаяся на крышу автобуса, запела «Долог путь до Типперери», и ее песню подхватили прохожие. Но затем кое-что едва не испортило Дойлу это мгновение чистого счастья. Мимо проехал автомобиль со штабными офицерами и угрюмым гражданским. Мужчина в гражданском открыл бутылку виски и мрачно отпил прямо из горла. Сэру Артуру на мгновение даже захотелось, чтобы толпа линчевала незнакомца. Британская империя потеряла на этой войне миллион человек. Сэр Артур считал, что нельзя оплакивать их: в каком-то смысле слезы по погибшим оскорбляли его религиозные чувства. День памяти павших на войне был для него днем единства и молитвы.

Добравшись до дворца, Дойл не стал даже пытаться пройти в запруженный людьми двор. Благодаря необычно высокому росту он видел балкон над центральным входом, украшенный багровым и золотым. Заморосил мелкий дождь. Солдаты скандировали: «Король Георг!» Мгновения спустя над толпой пронесся вопль ликования. Король в адмиральской форме и королева в меховой накидке вышли на балкон и помахали собравшимся. И вдруг воцарилась тишина – гвардейцы взяли на караул. Военные вытянулись по стойке смирно. Мужчины обнажили головы. Заиграл оркестр, и двадцать тысяч голосов грянули «Боже, храни Короля!». Сэр Артур еще никогда не слышал более воодушевляющего исполнения гимна Великобритании.

Четыре года назад под безоблачным августовским небом жители Лондона тоже исполняли гимн и выкрикивали имя короля. Только что была объявлена война, и сэр Артур поспешил записаться добровольцем. Невзирая на возраст – на тот момент ему исполнилось пятьдесят пять лет, – он был человеком бодрым и невероятно энергичным. Он все еще мог позволить себе пристойную партию в крикет, был способен сыграть карамболом в бильярдной, прокатиться на лыжах по альпийским склонам, погонять на автомобиле, он метко стрелял как из винтовки, так и из пистолета. Но в военном ведомстве ему вежливо отказали, поэтому сэр Артур ограничился тренировками отрядов местной обороны. Тем не менее мало кто из гражданских был так осведомлен о событиях Первой мировой, как он: хотя официально сэр Артур имел звание заместителя председателя совета графства Суррей по делам территориальной армии, он оказывал особые услуги королю. В 1914 году к нему обратились с просьбой применить мастерство писателя в деле военной пропаганды, и сэр Артур написал оказавшееся весьма эффективным при вербовке солдат произведение «К оружию!». Ведомый чувством долга, он также вдохновился на создание колоссальной по объему работы «История действий английских войск во Франции и Фландрии», посвященной ходу войны. Материал для этого исследования он получал от высокопоставленных военных. Но в самих сражениях участвовали младшие мужчины семьи Дойлов. «К оружию!» призывал он, а в траншеи отправились они.

Та война, казалось, с самого начала была связана с чем-то потусторонним. По свидетельствам очевидцев, в Бельгии во время битвы при Монсе, когда британский экспедиционный корпус сражался с немцами, в небесах над городом появились странной формы облака, напоминавшие призрачные фигуры. По слухам, те небесные воины защищали английские войска во время отступления. Впрочем, очевидцы событий оказались столь же неуловимы, как и те облака на небе. Тем не менее многие в Англии верили, что свершилось чудо. Сэр Артур в чуде был не настолько уверен. В том сражении немцы столкнулись с лучшими ружейными стрелками Европы, способными достичь скорости огня до пятнадцати выстрелов в минуту. Неужели англичанам действительно нужна была помощь призрачных лучников времен битвы при Азенкуре, чтобы спастись во Фландрии в тот день? Это сражение затронуло сэра Артура лично: его шурин Малкольм Лекли служил военным врачом и погиб в битве при Монсе.

Когда солдат умирал в сражении, его сослуживцы предпочитали говорить не «погиб», а «ушел в мир иной». Сэру Артуру нравилось это выражение: оно предполагало, что мальчик просто отправился в дальнюю дорогу, но не потерял для друзей и семьи. Собственно, с ним еще, быть может, возможно связаться посредством какого-то замысловатого вида дальней связи, например медиумического транса или автоматического письма. Так сложилось, что в доме сэра Артура в Кроуборо, в Восточном Суссексе, проживала эксцентричная молодая женщина, полагавшая, что может связываться с междумирьем – пространством, где возможно общение между живыми и мертвыми.

Эта ясновидящая, Лили Лодер-Саймондс, была лучшей подругой Джин, жены сэра Артура, ее пригласили в дом Дойлов в качестве няни. К сожалению, вскоре у Лили развилась астма и ей стало трудно исполнять свои мирские обязанности. Когда трое ее братьев погибли в битве при Ипре, состояние Лили ухудшилось. В теплые деньки сэр Артур часто читал ей в саду под отголоски пушечных выстрелов, гремевших за Ла-Маншем. Потом вечерами в комнате, где пахло цветами и лекарствами, Лили, бывало, брала ручку и пыталась вступить в контакт с духами. Однажды вечером дух Малкольма Лекли якобы вселился в тело Лили и,

управляя ее рукой, написал на бумаге слова, которые Артур и Джин сочли подлинной речью Малкольма. Так Дойлы поверили в то, что можно говорить с мертвыми.

В целом Кингсли не ставил под сомнение взгляды сэра Артура. Он с уважением и подобострастием относился к отцу, стал изучать медицину, поскольку так пожелал сэр Артур, а когда началась война, по настоянию отца же прервал обучение и отправился на фронт. Только в одном взгляды Кингсли и сэра Артура расходились – в вопросах религии. Кингсли был глубоко верующим христианином, как и его ныне покойная мать, первая жена сэра Артура, и потому считал спиритуализм оккультизмом. С точки зрения Кингсли, у этой оккультной веры была всего одна догма – вера в жизнь после смерти – и только один установившийся ритуал – спиритический сеанс. Кингсли воспринимал спиритуализм как поклонение призракам и потому считал его богохульным и абсурдным. Он был в ужасе оттого, что отец пытается вступить в контакт с духами погибших солдат и публично высказывается в поддержку этого мракобесия. Но юноша понятия не имел, насколько значимую роль предстоит сыграть ему самому в укреплении столь противоречивой веры его отца.

Когда летом 1916 года Министерство иностранных дел Великобритании обратилось к сэру Артуру с предложением посетить армию и описать положение дел на фронте, он с готовностью согласился. Поскольку он был джентльменом на военном задании, в первую очередь это означало, что придется наведаться на улицу Сэвил-Роу к лучшим портным города. Там ему сшили «роскошную военную форму», в которой он «чувствовал себя самозванцем». В представлении сэра Артура в этой форме он выглядел как карикатура на офицера Британской армии – с серебристым цветочным узором вместо звездочек на эполетах. Перед отправлением в Европу он повесил на грудь медали, полученные шестнадцать лет назад во время службы военврачом в англо-бурской войне. Но сэр Артур был человеком слишком мужественным и готовым приспособливаться к сложившимся обстоятельствам, чтобы вести себя на фронте как на параде. Его приняли без особых церемоний, и вскоре он уже разжился противогазом и устремился к наблюдательному посту в окопе на передовой. Солдаты, курившие в траншеях, с любопытством наблюдали за ним.

– Холмс, – объяснил один солдат другому.

Изможденный капрал сидел на стрелковой ступени, перевязывая раненую ногу. В блиндажах и окопах виднелись смутные очертания солдат. Над головой просвистел снаряд. Сэр Артур увидел красную вспышку у немецких окопов, земля дрогнула. Перед ним простиралась «ничейные земли» – затянутое туманом пограничье между двумя армиями, изъеденное воронками, покрытое выкорчеванными деревьями, исполосованное проржавевшими проводами связистов и усеянное мертвыми телами. Сэр Артур чувствовал исходящий от трупов запах разложения, но не видел их. Пограничье, междумирье. Для него – «удивительнейшее место на земле».

Два дня спустя сэру Артуру выпала возможность повидаться с Кингсли в Майи-ле-Кан. Юноша приветствовал его своеобразной «веселой ухмылкой». Кингсли говорил о подготовке к масштабному наступлению во Франции.

– Не волнуйся за меня, папа, – сказал он и отправился на битву на Сомме, в которой в первый же день погибло двадцать тысяч английских солдат.

После того как сын едва не погиб в том сражении, что-то в сэре Артуре изменилось. Вернувшись в Англию, где Кингсли провел два месяца, восстанавливаясь после ранения шрапнелью в шею, сэр Артур выступил в поддержку спиритуализма: он полагал, что

спиритические сеансы помогут тем, чьи сыновья не выжили на Сомме. Однако к тому времени Лили умерла от испанки и духи на время замолчали в Кроуборо.

Теперь настало время говорить сэру Артуру. По всей стране он произносил пламенные речи о «чудесах» Лили. Все знали, что и он сам вкусил горечь утраты. В те времена на фронте оставаться целым и невредимым офицер мог надеяться всего месяца два-три. Большинство мужчин из семьи сэра Артура ушли на войну – и погибли. Сын его сестры Конни, младший лейтенант Оскар Хорнунг из Эссекского полка, набожный и наивный мальчик, погиб от взрыва бомбы. Другая сестра, Лотти, потеряла мужа: майор Лесли Олдхем из инженерных войск в первые же дни на фронте погиб в окопе от пули снайпера. Война забрала племянника Джин. И так далее и так далее. Благодаря Лили сэру Артуру якобы удавалось связываться со всеми этими мертвыми мальчиками. Он опубликовал популярную книгу, описывающую его одиссею в мир духов, – «Новое откровение». Его послание тем, кто лишился близких, было простым и прямолинейным: их сыновья не потеряны! В письме матери Дойл писал, что больше не боится гибели Кингсли. «Я не опасаюсь, что мальчик умрет, – заявил он. – С тех пор как я стал убежденным спиритуалистом, смерть кажется сущим пустяком, но я очень боюсь, что Кингсли поранится или искалечится». Когда Кингсли оправился от ранения, его отправили на фронт, но вскоре отозвали, и юноша вернулся к изучению медицины. Таким образом, и этот страх сэра Артура был преодолен.

Но за две недели до дня победы кое-что случилось. Сэр Артур готовился выступить с речью «Смерть и посмертие» в Ноттингеме. К этому моменту дела обстояли удовлетворительно на обоих фронтах: с одной стороны, учение спиритуализма распространялось; с другой стороны, линия Гинденбурга была преодолена. Но незадолго до выступления сэр Артур получил телеграмму. Он полагал, что речь в ней будет идти о новых славных победах, приближавших конец войны. На этом этапе войны уже никто не опасался неожиданного поворота событий, да и Кингсли находился не во Франции, где шли бои. Но, открыв телеграмму от дочери Мэри из Лондона, сэр Артур пришел в ужас. И если, как он утверждал, всех озаряет свет эфира, то в этот миг этот свет померк. Когда сэр Артур вновь обрел способность здраво размышлять, его первой мыслью было отменить выступление, но он ее отбросил. Он помчался в Лондон и на следующий день написал матери из отеля «Гросвенор»: «Сегодня я видел [Кингсли] в морге, он казался отважным и уверенным в себе, как и всегда. Его похоронят в пятницу в Хиндхеде. Никаких цветов».

Что касается его выступления, то решение продолжать далось ему легко. Да, конечно, сэр Артур был потрясен, но как бы смотрелось со стороны, если бы он отменил речь? Это означало бы, что новая вера вовсе не изменила его так, как он утверждал. Он чувствовал бы себя таким же лицемером, как во время поездки на фронт в роскошном военном облачении. Тем не менее тем вечером ему было трудно выступать. Дважды во время речи, стоя за кафедрой, он едва не терял сознание. Когда сэр Артур прочел телеграмму Мэри, по толпе прошел потрясенный вздох. Слушатели ожидали благостную речь и не были готовы к столь ужасным новостям.

– Не горюйте, – тут же ответил сэр Артур. На мгновение он точно заглянул в глубину собственной души, а затем устремил взор к первой паре глаз, в которых отражалась удрученность. – Не горюйте. Мой сын продолжает жить!

Со времен Великой войны народы мира начали проявлять жгучий интерес и ненасытное любопытство ко всему, что касалось издревле неразрешимой проблемы: что ждет нас после смерти?

Балтимор Сан. 24 августа 1919 года

Кингсли убил вирус, а не пуля. Вскоре после дня победы испанка подкосила и единственного брата сэра Артура, генерал-майора Иннеса Дойла. Несущая гибель всему живому война вызвала средневековый мор, забравший больше жизней, чем сражения, уже истребившие целое поколение в Англии, Франции и Германии. Мир застыл в преддверии новых темных веков. Однако, как и многие представители его движения, сэр Артур рассматривал это бедствие как возможность усиления пропаганды спиритуализма. Дойл надеялся, что беспрецедентные потери отвратят людей, потерявших родных, от отжившей свой век религии и приведут к общению с духами.

«Весь мир спрашивает: “Где наши мертвые мальчики?”», – замечал он. Во времена научных прорывов и падения роли церкви написанный сэром Артуром завет спиритуалистов «Новое откровение» обращался к насущному вопросу: что происходит после смерти? Ответы, предлагаемые наукой и религией, были «неудовлетворительны». Революционное открытие Резерфорда и Бора, хоть и не многие понимали его суть, предполагало отсутствие души и возвращение к истокам в виде атомов. Что касается церкви, то, по мнению Дойла, она не предлагала практического ответа в отношении этой тайны. Он рассматривал Библию как церемониальный пережиток, что-то вроде кавалерийского меча, который Кингсли брал в бой, в котором главную роль играли пулеметы и бомбардировщики.

«Очевиден конфликт между старой и новой религией», – писали в Англии. Один священник жаловался, что «сэр Артур Конан Дойл ездит из города в город, проповедуя новомодное безумие. Я призываю сэра Артура опровергнуть мой тезис о том, что спиритуализм наносит вред ментальному, моральному и физическому здоровью. И в итоге каждая вторая-третья девушка возомнила себя современной святой Терезой Авильской». Но такое ярое сопротивление только подстегивало Дойла. Точно военачальник, он завел карту Англии и отмечал булавками места, где выступал с заветом «Новое откровение». «Мы должны действовать с той же неотступной решимостью, как Фердинанд Фош сражался с немецкими войсками», – писал он своему другу сэру Оливеру Лоджу.

Лодж был для него ценным союзником. Один из наиболее уважаемых ученых Англии, сэр Оливер всю жизнь пытался обуздать незримые силы. Еще до Маркони ему удалось отправить радиосигнал, он помогал разрабатывать рентгеновскую установку, выполнил ряд новаторских работ, посвященных электричеству. И около тридцати лет он экспериментировал, изучая парапсихологические феномены. Где же мертвые мальчики? Сэр Оливер полагал, что немного приблизился к ответу на этот вопрос. Во время войны общество взбудоражило его заявление о том, что он якобы может связываться со своим сыном Раймондом, погибшим во Фландрии. Лодж написал книгу о своем общении, приведя в этой работе научное объяснение феномена. Его книга «Раймонд, или Жизнь и Смерть» выдержала двенадцать переизданий за три года и пользовалась огромной популярностью как на фронте, так и в тылу, в Англии. Именно сэр Оливер спровоцировал первую волну

спиритуализма, поднявшуюся еще во время войны. «Британский солдат, безусловно, религиозен, – жаловался один капеллан. – Только я не уверен, что его религия – христианство».

Если Дойл взывал к чувствам, то Лодж, скорее, апеллировал к разуму. Он был президентом Британского общества психических исследований – самой влиятельной в мире группы «охотников на привидений». Эти исследователи проявили скептицизм в отношении истории о битве при Монсе – по их данным, чудо лучников-призраков «подтвердить не удалось». В Америке сэр Оливер Лодж, однако, был популярен благодаря потрясающим описаниям мира духов, которые он получил от пребывавшего в посмертии Раймонда. Мальчик сказал отцу, что живет в Стране лета. В этой стране были лаборатории, в которых производились не материальные вещества, а «эссенции, эфиры и газы». Все земное можно было воссоздать на их основе. Похоже, там была астральная марка виски. И астральные сигары. Раймонд якобы видел, как такую сигару курил бесплотный дух.

Другие выдающиеся ученые, поддерживающие движение спиритуалистов, тоже соединяли руки на спиритических сеансах. Во Франции Шарль Рише, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, экспериментировал с веществом, якобы служившим основой для материализации духов. Он назвал это вещество «эктоплазмой» – астральная, но обладающая вязкостью субстанция, выделяющаяся из отверстий в организмах медиумов в состоянии транса. Германия тоже была охвачена «лихорадкой оккультизма». Именно там барон Шренк-Нотцинг, врач-невропатолог, проводил ряд кропотливых экспериментов, используя излюбленную подопытную Рише, знаменитую женщину-медиума Еву К. При осмотре, как он полагал, обнаружилось, что из влагалища медиума выделяется эктоплазма, эта «удивительная жидкость». Тем временем Лодж, преданный делу физики, скорее сосредотачивался на экспериментах с инопространством, чем на анатомии медиумов. Если можно доказать, что какая-то часть человеческого сознания может преодолеть время и пространство, то, по мнению многих исследователей паранормального, это означает, что сознание может преодолеть смерть. Дойл утверждал, что спиритуализм – единственная религия, которую подтверждает наука. И он, фактический лидер движения спиритуалистов, считал, что битву за общественное признание можно выиграть именно в Америке. «В Америку!» – призывал он. И сэр Оливер отправился туда со своим поразительным заявлением.

Лекционное турне сэра Оливера Лоджа в нашей стране, безусловно, вызвало глубокий и живой интерес, и не только вопросами бессмертия и сохранения сознания после смерти, но и более специфическим вопросом: действительно ли возможно общаться с умершими близкими или получать сообщения от них.

Бостон Глоуб. 25 января 1920 года

Сэр Оливер прибыл в Нью-Йорк в январе 1920 года, словно отмечая начало десятилетия саксофона и трубы для спиритических сеансов. В это время в Америке особой популярностью пользовалась «уиджа» – доска для некоей упрощенной версии спиритических сеансов. Такие сеансы снимали на киноплёнку. Норман Роквелл создал иллюстрацию для обложки журнала «Сэтэдей Ивнинг Пост» – молодая пара экспериментирует с доской «уиджа».

Вскоре спиритическими сеансами увлеклись и некоторые выдающиеся американские писатели – Эптон Синклер, Гэмлин Гарленд и Теодор Драйзер.

Однажды автор «Американской трагедии» и скептик спиритуализма Г. Л. Менкен попробовали провести сеанс в квартире Драйзера в Гринвич-Виллидж, воспользовавшись доской «уиджа». Хотя Драйзер и работал в жанре реализма, он, однако, истово верил в сверхъестественное. Он был уверен, что духи трех его умерших братьев хранят его с самого детства. Он часто пользовался услугами хиромантов, прорицателей, гадавших при помощи «магического кристалла», и медиумов. Менкен, напротив, презирал оккультизм. В частности, он высмеивал спиритизм, называя его «кучей навоза из грязной задницы». Разговоры о бессмертии навевали на него скуку. Менкен мог себе представить, что лет сто – двести человек может прожить счастливо, но жить десять миллионов лет? Он считал, что это было бы ужасно. Тем вечером в гостях у Драйзера он принялся насмеяться над идеями сэра Оливера о посмертии. В целом он не доверял физикам: они, мол, слишком много времени таращатся на небеса, да и это их стремление вечно разгадывать какие-то загадки весьма раздражает. Эксперимент с доской «уиджа» был для Менкена фарсом. Он дергал планшетку на доске, старательно выводя свои любимые ругательства.

Вскоре после приезда сэра Оливера в Нью-Йорк в рамках его лекционного турне на Бродвее прошла премьера новой пьесы под названием «Нежная улыбка». «Таймс» назвала ее «второсортным спиритуалистским вымыслом». Но постановка стала хитом сезона.

– Сейчас в мире творится столько удивительного, что нельзя просто отворачиваться и делать вид, будто ничего не происходит, верно? – говорила Джейн Коул, исполнительница главной роли в пьесе. – И когда такие люди, как сэр Оливер Лодж и Конан Дойл, говорят, что дела обстоят именно так, вам стоит хотя бы прислушаться к их мнению.

Сам сэр Оливер не любил театр. Он читал лекции о новой науке и не собирался демонстрировать публике какие-то чудеса.

Заинтересовавшись его исследованиями, даже скептически настроенный в отношении спиритуализма Томас Эдисон присоединился к попыткам доказать возможность жизни после смерти. Эдисон, отнюдь не поддерживавший спиритуализм, объявил, что работает над механизмом, способным записывать послания из загробного мира.

– Я могу создать аппарат, намного лучше «уиджи» подходящий для общения с мертвыми – если они вообще захотят общаться, – заявил Эдисон.

«Он знает, что многие будут спорить с ним, – писала “Таймс”. – Но также ему известно, что десять миллионов мужчин и женщин, потерявших близких на войне, жаждут услышать хоть словечко о том, возможно ли существование после жизни, которая ведома нам».

Два блистательных ученых двух народов, Эдисон и Лодж, искали способ вступить в контакт с умершими. Такие чудесные изобретения, как телефон и радио, казалось, свидетельствовали о возможности связаться с любым измерением, преодолев любое расстояние. Неудивительно, что новая область исследований возникла в Новом Свете.

Тур Лоджа по Америке вызвал такой общественный резонанс, что один выдающийся хирург счел своим долгом прослушать лекцию «Доказательства жизни после смерти». И вот однажды, холодным январским вечером, он отправился в концертный зал Симфони-холл в Бостоне. Сэр Оливер Лодж изобрел когерер – некий аналог радиоприемника, способный улавливать электромагнитные волны. Собственно, наш хирург никогда не видел такого столпотворения в Симфони-холле. Зрители даже расселись на сцене рядом с подиумом. Атмосфера в зале была напряженной. «Удивительное количество зрителей, – писала «Глоуб». – В основном пришли бостонские интеллектуалы, причем женщин в зале было чуть больше, чем мужчин».

В программке писали, что у сэра Оливера Лоджа было двенадцать детей. И один из них умер на войне. Эта утрата побудила сэра Оливера отправиться за океан и выступить с лекциями в пятидесяти городах Северной Америки. Поскольку доктор презирал религию, ему было приятно узнать, что духовенство высказалось против лекционного тура Лоджа. Священники утверждали, что истинным христианам не следует выяснять что-то у мертвых. Да и один знаменитый раввин назвал медиумизм и сеансы с доской «уиджа» столь же гнусным пристрастием, как и наркомания. Настроенный скептически, но в то же время преисполненный любопытства, доктор надеялся, что сэр Оливер проведет спиритический сеанс прямо на сцене и призовет под свет софитов ту самую, вызывающую гнев церковников сущность – призрак сына Раймонда!

Но надеждам хирурга не суждено было оправдаться. Исполненный чувства собственного достоинства, сэр Оливер поднялся на подиум. Высокий, под метр девяносто три ростом^[9], с массивной головой, высоколобый, с ухоженной седой бородой, он нависал над слушателями, широкоплечий, точно коннектикутский фермер. «Наверное, так выглядел бы Линкольн, доживи он до такого возраста», – писал репортер «Глоуб». Сэр Оливер начал лекцию заявлением, что помнит времена, когда все высмеивали идею телефонной связи. Много лет назад он присутствовал при одной из первых в Англии демонстраций изобретения мистера Белла. Лондонцы тогда сочли телефон каким-то фокусом, подделкой. Сэр Оливер призывал бостонскую аудиторию оставаться непредвзятой, ибо наука, по его словам, «позволила нам приблизиться к разгадке извечной тайны жизни».

Затем Лодж говорил об атомах. Он уверял, что сила, сокрытая в атомах, способна поднять немецкий флот, затопленный в Скапа-Флоу, и перенести корабли на вершину горных хребтов в Шотландии. Когда в зале потрясенно зашептались, он заверил слушателей в том, что едва ли кто-то из ученых опровергнет это его утверждение. Сэр Оливер предрекал наступление времен, когда в каждом доме будет использоваться атомная энергия и каждая семья ежедневно будет говорить с близкими, пребывающими в загробном мире.

Тем вечером он ни словом не упомянул спиритические сеансы со своим погибшим сыном. Лодж сравнивал человеческое тело с телеграфом. Возможен контакт разумов – сэр Оливер называл это явление телепатией. Вместе с коллегами по Обществу психических исследований он посвятил несколько десятилетий изучению этого феномена. Лодж утверждал, что некоторым физикам удалось связаться с сознанием, не облеченным материей. Эта связь была возможна благодаря эфиру – специфическому абсолютному полю, наполнявшему пространство. Сэр Оливер считал существование эфира доказанным. По его

мнению, у всех нас есть «эфирные тела», которые физика рассматривает как пучок световых волн. Когда солдат погибал на поле боя, он отбрасывал свое физическое тело, точно бабочка исполнивший свое предназначение кокон, и приобретал «идеальную и вечную форму». Некоторые называли эту форму душой. Но поскольку мы не можем исследовать душу, провести, так сказать, вскрытие души – на этом этапе лекции нашему хирургу почудилось, будто Лодж обращается непосредственно к нему, – мы отрицаем ее существование.

– Не бойтесь смерти, – призывал Лодж.

Смерть – какое варварское слово! Оно подразумевает уничтожение. Он же предпочитал рассматривать смерть как эмиграцию. Мальчики «ушли в мир иной».

После лекции Лодж познакомился с нашим хирургом. Наделенный аристократической красотой, ростом метр семьдесят три, худощавый, чуть сутулый, доктор произвел на Лоджа впечатление своей непосредственностью и хорошими манерами. Он сказал Лоджу, что выступление заставило задуматься минимум одного скептика. Быть может, сэр Оливер мог бы порекомендовать, что почитать по этому поводу? Надо отметить, что сэр Оливер не очень-то верил в интеллектуальные способности большинства американцев, но доктор задавал хорошие и важные вопросы. Он говорил откровенно, но в то же время почтительно. Итак, Лодж и хирург обменялись визитными карточками. То был доктор Ле Рой Годдард Крэндон, проживавший в районе Бикон-Хилл в Бостоне со своей женой Миной, которая на лекцию Лоджа не пошла.

Вспоминая потом тот вечер, доктор Крэндон говорил: «Для меня это было непостижимо. Этот человек не укладывался ни в одно из известных мне представлений об ученых. Итак, я попросил его встретиться после лекции. И первым вечером мы долго говорили».

«Сэр Оливер Лодж рассматривает вопросы спиритизма и жизни после смерти в совершенно новом ракурсе – ракурсе, который может показаться привлекательным многим интеллектуалам», – писала «Глоуб». Изобретателю электрической свечи зажигания удалось разжечь интерес к общению с духами в жителях Бостона – города, знаменитого своим скептическим отношением ко всему оккультному. Как бы то ни было, доктору Крэндону теория эфира не представлялась столь уж эксцентричной. Когда-то этой теорией интересовался даже Эйнштейн. Потому Крэндону было о чем подумать, пока он ехал из концертного зала домой на Лайм-стрит.

В ожидании рассвета

В сентябре 1918 года доктор Крэндон сочетался узами брака со своей веселой красавицей-невестой. На свадьбе он был в белой форме офицера военно-морских сил с черными эполетами, невеста же красовалась в бархатном подвенечном платье цвета слоновой кости с кисейными бантами на плечах. Священник, проводивший обряд бракосочетания, говорил о возрождении. На скромной церемонии под открытым небом, проходившей под Нью-Лондоном в штате Коннектикут, было немного гостей. Все еще шла война. И у жениха, и у невесты это был не первый брак. На медовый месяц доктор повез жену на курорт на Багамах, куда возил двух предыдущих миссис Крэндон. К несчастью, молодые вернулись в то самое время, когда в Новой Англии началась эпидемия испанки. Будучи капитан-лейтенантом, приписанным к Военно-морскому госпиталю Нью-Лондона, доктор Крэндон очутился в самом средоточии эпидемии. Где же мертвые мальчики? Он видел, как тела складывают в морге, забывая помещение под завязку. По какой-то необъяснимой причине болезнь в первую очередь косила молодых. Каждую неделю в городах Америки умирали тысячи юношей и девушек. Многие пациенты доктора Крэндона захлебнулись собственной кровью и мокротами. Его попытки снабжать их жидким кислородом не увенчались успехом. Вскоре в Нью-Лондоне уже не хватало гробов.

В эти нелегкие первые месяцы супружеской жизни Мина Крэндон в меру сил воодушевляла мужа. Друзья говорили, что она скрашивала его «вызванное навалившейся ответственностью одиночество». Доктор настолько эффективно справлялся с поставленными задачами, что его перевели главврачом в Военно-морской госпиталь Уордс-Айленд в Нью-Йорке – одну из самых крупных больниц в стране. К 1919 году обстоятельства сложились так, что эпидемия утасла и доктора Крэндона с почестями освободили от занимаемой должности. Ему было сорок шесть лет, и он был женат на женщине, которой не исполнилось и тридцати. По слухам, ситуация с унесшей тысячи жизней испанкой укрепила их брак, да и высокое положение супруга в обществе давало миссис Крэндон повод для гордости. Доктору принадлежал роскошный дом в районе Бикон-Хилл и две яхты. В Гарвардском университете он учился на двух факультетах – философском и медицинском, получил дипломы по этим специальностям, а впоследствии защитил диссертацию. Его профессиональная этика вызывала восхищение. В начале карьеры он после двенадцатичасовой смены в Бостонской городской больнице отправлялся домой и до утра читал книги великих мыслителей. В Гарварде он вел семинары по хирургии и на практических занятиях часто прибегал к демонстрации трупов. По какой-то причине ему нравилось рассказывать о такой особенности учебного процесса незнакомым людям на вечеринках. Миссис Крэндон же была веселой и дружелюбной – полной противоположностью своему славившемуся саркастичными высказываниями мужу. В бостонском обществе они часто становились поводом для пересудов, но все обожали их изумительные приемы в доме в Бикон-Хилл.

На этих приемах гости пили мартини под музыку фонографа – например, песню «Мир в ожидании рассвета»^[10] – и судачили о подпольных барах в Бикон-Хилл, «сухом законе» и возможных рейдах полиции в их дома. По их мнению, вскоре их всех можно будет считать злостными нарушителями закона. Однажды после оживленного спора о «красной угрозе» – недавно полиция разогнала в Бостоне массовую рабочую демонстрацию – разговор зашел о

призраках, и кто-то предложил провести сеанс «уиджа». Но Мина предпочитала танцы и шарады. Красавица-блондинка с фигуркой молоденькой девушки и сияющими голубыми глазами, Мина, тем не менее, отнюдь не была тщеславна, как вторая супруга доктора, или поверхностна. Она многое повидала в жизни. В первом браке она родила сына, и мальчик теперь жил с ними в Бикон-Хилл. Рой предупреждал своих друзей-атеистов из Гарварда, что Мина – христианка и посещает церковь, а еще играет на виолончели в оркестре конгрегационалистской церкви. Однажды доктор отправился туда посмотреть на ее выступление. Мина была в белом хлопковом платье, прическу боб-каре украшала лента в египетском стиле, придававшая ей вид то ли египетской жрицы, то ли феминистки на демонстрации. А сам доктор пришел в церковь в твидовом костюме. «Наверное, я единственный атеист в этой церкви», – подумалось ему тогда. Он сидел, смотрел, как жена играет с упоением джазистки, и думал о возрождении, обещанном ему священником на свадьбе. Где же рассвет?

Удивительно, но его мировоззрение изменилось под влиянием спиритуалистов. Сэр Оливер Лодж считал новой отраслью науки то, что доктор Крэндон всегда отвергал как отживший свое предрассудок, ведь речь шла о черной магии. «Мы встретились вновь, – рассказывал доктор. – И стали друзьями. Сэр Оливер предложил почитать кое-какие работы, и я чувствовал себя несколько глупо, но в то же время был заинтригован и приступил к чтению».

Вскоре доктор Крэндон понял, что спиритические сеансы основываются на научных методах изучения загробной жизни. Дарвин разгадал тайну происхождения человека, но что происходит с человеком после смерти? Ответ на этот вопрос мог совершить революцию в науке, и если Лодж был прав в отношении спиритуализма и теория эфира подтвердится, то биология и классическая физика станут столь же устаревшими, как косная религия.

Итак, в начале 1920-х годов перед доктором Крэндоном открылись новые горизонты, и это было связано не только с ростом спиритуализма, но и с его семейной жизнью. Один из наиболее выдающихся хирургов Бостона, доктор Крэндон специализировался в гинекологии и акушерстве. Он знал, что не сможет стать отцом, поскольку был бесплоден, поэтому Крэндоны решили усыновить сироту. Отец Роя, президент Этического общества Бостона, поддержал столь гуманное устремление сына, но по какой-то причине (можно предположить, что Рой считал, будто проблемы сиротства более актуальны в английской культуре) кандидата на усыновление Крэндоны искали в Лондоне. И нашли.

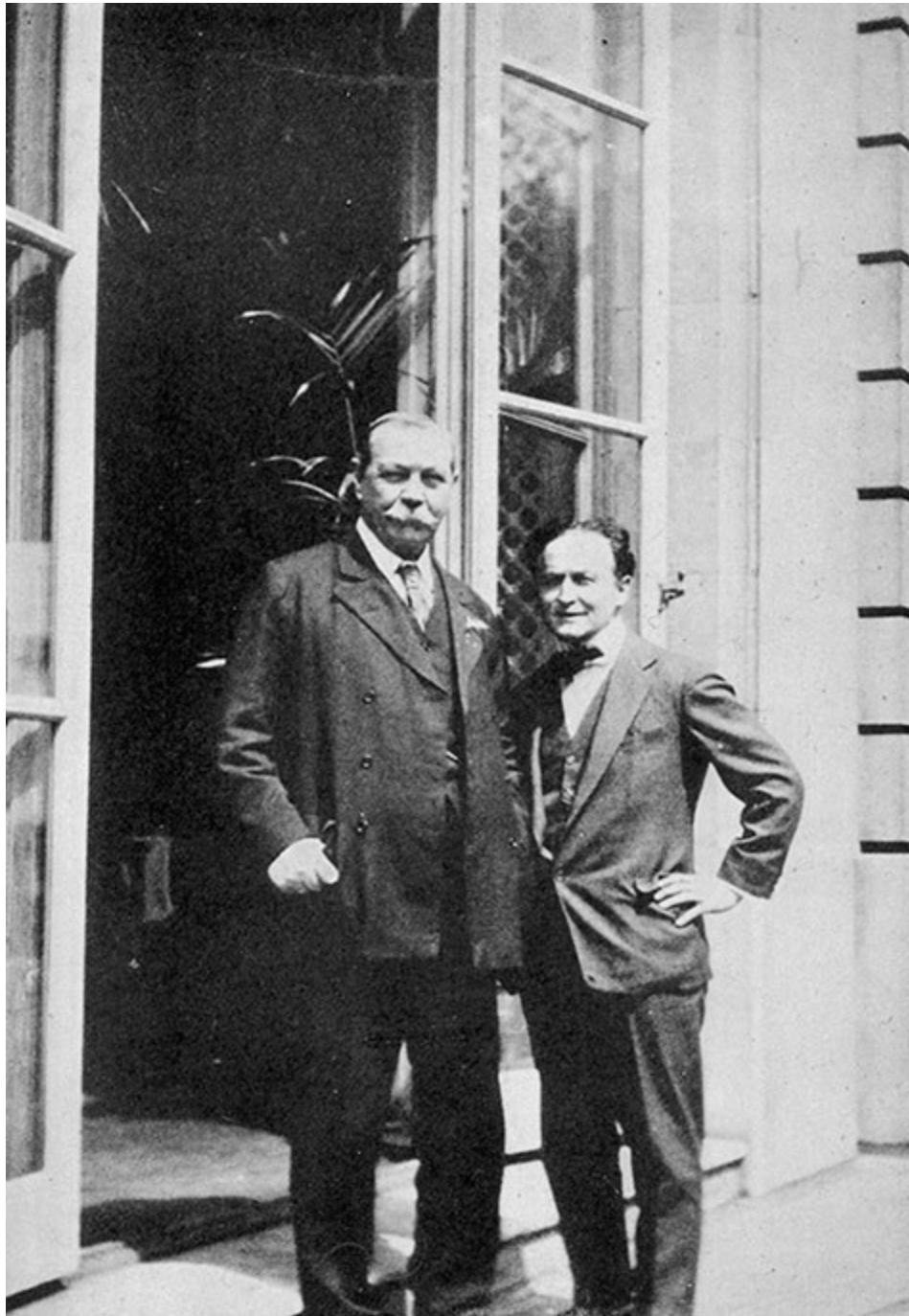
Рой всегда хотел сына: если его имени суждено исчезнуть, то о каком бессмертии может идти речь? Но, к его глубокому разочарованию, лондонский сирота не сумел приспособиться к жизни в новом доме в Бикон-Хилл. И усыновленный мальчик, и сын Мины называли патриарха семейства «доктор Крэндон», а не «папа». Впрочем, что бы ни происходило в доме Крэндонов, это было личным делом их семьи.

Но кое-что об этих мальчиках нам все же известно: летом 1921 года о них писали бостонские газеты. Дети играли на пляже Поинт-Ширли на плоту, трос порвался, и плот подхватило течением. Мальчиков несло на глубину, но их спасли двое пловцов. В газетах писали, что пострадавшими были «два маленьких мальчика, шести и восьми лет от роду». В статьях упоминалось имя младшего – Джон, сын миссис Крэндон. Имя старшего, сироты из Англии, остается неизвестным. Его самого спасли от гибели, но имя его сгинуло в эфире.

Часть II. Река сомнений

Преисподняя существует на земле – это мир обмана, мир преступников, мир, где высшей ценностью считается умение обходить законы страны. Вы, живущие в своем безмятежном респектабельном мирке, ничего не знаете о гражданах того, иного мира... Вам почти ничего не известно об их жизни.

Гарри Гудини. Как правильно поступать неправильно^[11]

Сэр Артур Конан Дойл и Гарри Гудини, Лондон, 1920

В первую очередь иллюзионист отправлялся на кладбище. Возвращаясь в Нью-Йорк после киносъемок или гастролей, он непременно посещал могилу Сесилии Вайс в Квинсе. В зените славы он как-то упомянул в интервью в одном киножурнале, что его самое заветное желание – доказать самому себе, что он достоин вырастившей его матери. Великий мастер побега, способный избавиться от любых пут, он так и не смог разорвать связь с матерью. Даже в разгар зарубежных гастролей он всегда возвращался домой в день рождения Сесилии, пока та была жива. В мгновение душевного смятения он опускал голову матери на плечо – как в детстве, когда она успокаивала его. Ему всегда хотелось быть центром ее мира, но во времена его детства это едва ли было возможно. За ее внимание боролось еще шестеро детей и муж-неудачник, которого она обожала. Третий сын, Эрик, надеялся совершить что-то необычайное, чтобы полностью завладеть вниманием матери. Совершая свой знаменитый трюк с прыжком с моста, он представлял, что мать смотрит на него.

До обретения всемирной славы он работал фокусником в заведениях с сомнительной репутацией, был лекарем-шарлатаном в бродячем цирке, даже притворялся медиумом. Но он всегда умел отличать добро от зла и в этом следовал примеру своего отца, раввина Меера Шамуэля Вайса. Отец Эрика всегда придерживался законов Талмуда. Его авторитет в глазах сына укрепил диплом юриста в Будапештском университете. Вечерами он часто рассказывал сыновьям и дочери поучительные притчи. Но, невзирая на образованность, в вопросах мирского Меер Вайс оказался неудачником. В его жизни не было волшебства, кроме разве что его молодой и любящей второй жены Сесилии. Все его попытки добиться успеха были лишены упорства – того упорства, которым прославится его третий сын.

В 1878 году, через четыре года после рождения Эрика, Мееру Шамуэлю предложили должность раввина в небольшом городке Эпплтон в Висконсине, и он перевез семью из Венгрии в эти неизведанные земли. Иллюзионист вспоминал, как родители сидели под соснами в эпплтонском парке, пили кофе, о чем-то говорили, – семейная идиллия в краткий период стабильности. Нельзя сказать, что семье Вайсов легко жилось в Эпплтоне: на должности раввина Меер Шамуэль получал всего семьсот пятьдесят долларов в год, и при всей бережливости этого едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Но, учитывая последующие события, Эрик идеализировал ранние годы, вспоминая поездки на кабриолете, катания на санках зимой и плавание на пароходе по реке Фокс. Эрик вспоминал, как приходил в восторг, когда под городом ставил шапито бродячий цирк Барнума и Адама Форпо. Тайком пробираясь внутрь, мальчик видел огнеглотателей, жонглеров и фокусников, носивших такие звучные псевдонимы, как Несравненный мистериарх трех континентов или Восхитительнейший волшебник Вселенной, и утверждавших, что они родом из таких загадочных мест, как Венеция, Персия и Индостан. Ни один бродячий фокусник никогда не признавался в заурядном происхождении, но пройдет время, и Эрик не станет скрывать свое прошлое, открыто заявляя, что он сын раввина, выросший в небольшом городке и воспитывавшийся на традиционных ценностях. Тем не менее некогда его вдохновили кровавые зрелища – например, трюк английского иллюзиониста доктора Линна: фокусник расчленил ассистентов хирургической пилой, а затем «благодаря волшебству» восстанавливал целостность их тел.

Но чудеса творились не только под куполом цирка. Именно в Эпплтоне была пущена

первая в мире гидроэлектростанция. И удивительным образом это было связано с работой Томаса Эдисона, «волшебника из Менло-Парка», подарившего свет домам Нью-Йорка... без использования газовых светильников и свеч. Но, к сожалению для Вайсов, Меер Шамуэль не смог идти в ногу с прогрессом. Еврейская община вскоре отказалась от его услуг раввина в реформистской синагоге. Причиной увольнения стала его неспособность приспособиться и выучить новый язык. На тот момент ему исполнилось пятьдесят четыре года. Пришлось искать в Висконсине другую работу. Началась черная полоса в жизни семьи. Перебравшись в Милуоки, семейство Вайс кое-как выживало за счет еврейских благотворительных организаций и постоянно переезжало с квартиры на квартиру, чтобы спрятаться от недовольных кредиторов. Впоследствии Эрик так высказывался об этом периоде своей жизни: «Чем меньше говорить об этом, тем лучше».

Родители отправили его обратно в Эпплтон, где он стал подмастерьем кузнеца и получил ценный опыт, который впоследствии помог ему в карьере «мастера побега». Но в возрасте двенадцати лет он уже чувствовал, будто в ловушке. Надежды его отца пошли прахом, и Эрик решил, что его долг – зарабатывать столько, чтобы содержать семью. Для этого он планировал устроиться в бродячий цирк – к тому моменту он уже кое-как выступал на сцене под псевдонимом Принц воздуха с незамысловатым акробатическим номером. Уверенный в своих способностях фокусника, он сел в пассажирский вагон поезда, отправлявшегося в Канзас.

Иллюзионист редко обращался в интервью к своей поездке в детстве по Среднему Западу: свисток локомотива никогда не вдохновлял его. Но много лет спустя, путешествуя в комфортном купе, он вспоминал, как ехал в битком набитом вагоне под веселый перестук колес, шорох угля, который машинист подбрасывал в топку, и свист пара. К 1920-м годам ему требовался целый цирковой поезд для перевозки аппаратуры для фокусов. И Эрику нравилось осознавать, что, пусть когда-то ему и приходилось путешествовать в товарных вагонах, теперь в его распоряжении целый поезд.

Итак, Эрик Вайс сбежал из дому и целый год пытался решить проблемы своей семьи при помощи волшебства. Он надеялся, что сможет полностью содержать мать, но отправлять ей деньги не удавалось. Мать получала только открытки, исправно приходившие из Канзас-Сити или Аннибала. В своих мемуарах Эрик пишет о поездках с бродячим цирком, но, судя по всему, на жизнь он себе зарабатывал уличными представлениями, попрошайничеством и чисткой сапог. Впоследствии он вернулся в город, в котором его семья когда-то впервые ступила на американский берег – в 1887 году он приехал Нью-Йорк, где поселился с отцом.

Не сумев сохранить должность раввина в иудейской общине в Висконсине, Меер Шамуэль поселился в нью-йоркском гетто, где его религиозные познания оказались востребованы: он зарабатывал на жизнь частными уроками. Эрик устроился на работу разносчиком газет и посыльным, и через год они уже могли оплатить переезд в Нью-Йорк всей семьи. Сесилия и братья Эрика присоединились к ним в квартирке на 75-й улице, сотрясавшейся всякий раз, когда по эстакаде Третьей авеню проезжал поезд. Ничто не напоминало пасторали Эпплтона. Впрочем, в Вест-Сайде за Центральным парком дома стояли не так густо, а на севере простирались топкие болота, поросшие густым кустарником. По этой болотистой местности Эрик и совершал свои пробежки в десять миль. Бывало, ему удавалось оббежать весь Центральный парк. Занятия бегом позволяли ему на время укрыться от тягот нищенского существования в гетто. Кроме того, он увлекался плаванием, гимнастикой и акробатикой и даже принимал участие в городских боксерских поединках,

пока из-за болезни ему не пришлось выбыть из игры.

Но каждый вечер он засыпал с мыслью о том, что он, Эрик Вайс, всего лишь очередной еврей-портной. И просыпался он с той же мыслью. В швейное дело подался и Меер Шамуэль: они с сыном устроились в контору по пошиву галстуков на Бродвее. К стыду сына, его высокоученый отец стал очередным жалким портняжкой. Часами просиживая за швейной машинкой в душной мастерской, Меер Шамуэль подорвал здоровье. Иммигрант, так и не выучивший английский, он утратил дар речи как таковой – ему диагностировали рак языка. Во время удаления опухоли он умер на операционном столе – по словам врачей, организм не выдержал нагрузки. Эрик вспоминал, что после неудачной операции в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка он пытался утешить рыдающую мать и она, к его изумлению, сказала, что он тоже плакал бы, если бы лишился рая, в котором прожил двадцать восемь лет. Да, Эрик не мог подарить ей рай, но он был полон решимости обеспечить мать всеми материальными благами, которые не сумел дать ей его отец. Именно ради этого он мечтал стать звездой эпохи водевиля.

После смерти отца Эрик оставил занятия спортом и всецело посвятил себя фокусам. Вместе с братом Дэшем он разработал трюк с перемещением, который назвал «Метаморфозы». В этом трюке фокусники – один был связан в сундуке, другой стоял рядом – практически мгновенно менялись местами и нарядами. Те, кто видел выступления братьев в пивных, знали, что это всего лишь фокус (в момент переодевания сундук закрывали занавеской), но, mein Gott^[12], как же быстро двигались эти мальчики!

Однако величайшим перевоплощением Эрика стала роль Гарри Гудини. Он выбрал этот сценический псевдоним в честь своего героя – французского иллюзиониста Жана Эжена Робер-Удена^[13], которого называли «отцом современной магии». На тот момент Гудини уже работал на «выставках диковинок», где зрители могли насладиться «комнатой ужасов», восковыми фигурами злодеев (там был Джон Бут, стреляющий в Линкольна, и истекающий кровью в своей ванной Жан-Поль Марат). Проводились там и отдававшие непристойностью конкурсы – например, бегали наперегонки какие-то толстухи, а женщины-силачки зазывали добровольцев из толпы, утверждая, что ни один мужчина их не одолеет. На некоторых представлениях демонстрировались «заспиртованные» эмбрионы с медицинскими аномалиями, выступления же живых «уродцев» были непременным атрибутом выставок. Впервые Гудини представил публике свой трюк с наручниками в качестве интермедии на «шоу уродов».

Поглазеть на уродцев собирались целые толпы.

Люди приходили посмотреть на Унтана – Безрукого скрипача, способного играть на скрипке ногами и выпускать ногами стрелы в потолок. Они приходили посмотреть на миссис Мэтти Ли Прайс – Женщину-магнит, якобы обладавшую сверхъестественными способностями. Гудини видел другие представления с использованием сверхъестественного в духе Мэтти, но она была лучше всех. Эта хрупкая девушка держала в вытянутой руке бильярдный кий, а трое добровольцев из зрительного зала тщетно пытались этот кий опустить. Она стучала по столику тростью – и тот вдруг поднимался на две ножки и начинал вращаться вокруг этой оси. Она усаживала тучного мужчину в плетеное кресло, хлопала по креслу ладонью – и оно устремлялось к другому краю сцены. И, конечно, зрители приходили посмотреть на красавицу Эватиму Гардо – уроженку Кубы, которая на сцене провоцировала гремучую змею на атаку и позволяла ей «вонзить клыки» в руку и плечи. Даже Гудини был потрясен, когда Эватима, сняв змею с руки, позволила доктору вколоть ее яд кролику, и

животное мгновенно забилося в судорогах и умерло «в страшных муках» – пугающее доказательство того, что королева змей не самозванка.

Хотя Гудини так и не нашел фокусника, который обучал бы его, он научился многим приемам в «цирке уродов» и впоследствии использовал их в своей карьере. Унтан показал, как орудовать пальцами ног не хуже, чем пальцами рук. Глядя на Женщину-магнит, он осознал, как можно манипулировать силой рычага. Шпагоглотатели обучили его прятать в горле – и извлекать оттуда при необходимости – ключи, отмычки и даже более крупные предметы.

Но больше остальных он восхищался Эватимой – за ее непостижимые умения. По слухам, она могла останавливать сердце и контролировать кровообращение. Эватима сама заявляла, что иммунна ко всем смертельным заболеваниям и не чувствует боли. К изумлению Комитета чикагских врачей, она совершенно спокойно протыкала булавкой щеку и вонзала иголки глубоко в предплечье. Она впервые встретилась с Гудини в Чикаго, где тогда проходила Всемирная выставка, и, хотя их романтические отношения так и не сложились, он был потрясен ее загадочными способностями и обаянием.

– Никогда в жизни я не испытывала боли, – говорила она журналистам. – Я даже не знаю, что это за ощущение. И я всегда счастлива, меня никогда не охватывает грусть.

Казалось, ничто не способно огорчить ее. Оккультисты считали, что Эватима Тардо развила в себе способность переключаться с физического тела на астральное, поэтому ее сознание, пребывавшее в астральном теле, не испытывало мук, которым подвергалось физическое. Гудини тоже хотел научиться покидать физическое тело, но в конце концов осознал, что и Эватима Тардо уязвима. Оказалось, что она была способна защититься от яда кобры и тарантула, но не сумела спастись от ревнивого любовника. И когда этот любовник, представитель опаснейшего вида на земле, увидел ее в ресторане в Мемфисе целующейся с другим мужчиной, он застрелил и ее, и ее новую пассию из револьвера «Ремингтон», а потом пустил себе пулю в висок, отправившись за ними в тот край, где нет цирковых шатров и молчат уличные зазывалы.

Любовь фокусника

Гудини стал посещать профессиональных медиумов как раз тогда, когда выступал на «выставках диковинок». На спиритических сеансах, куда он приходил со скорбящей матерью, он пытался вступить в контакт с духом Меера Шамуэля, некогда верившего в общение с мертвыми. Гудини заложил в ломбарде часы покойного отца, чтобы оплатить работу медиумов, но сообщения, полученные ими из «загробного мира» оказались пустыми сентиментальными банальностями. Он слышал какую-то чушь, изрекаемую медиумом, а вовсе не слова Меера Шамуэля. Разочаровывающие результаты, не говоря уже о встречах Гудини с самозваными медиумами в бродячих цирках, убедили его в том, что настоящих медиумов не существует. Он многое повидал на своем веку, но ни одно «чудо» не осталось для него необъяснимым.

Все это случилось за двадцать лет до кошмарной войны, после которой почтенные британцы Лодж и Дойл горячо убеждали публику в научности спиритуалистического движения. Когда Гудини был молод, спиритические сеансы порицались обществом не меньше, чем внебрачные любовные связи. Медиумы часто рекламировали свои услуги в газете «Нью-Йорк Геральд», и Гудини подозревал, что их деятельность является прикрытием для проституции, мошенничества с якобы «изменившей» женой, при котором «муж» требует деньги, чтобы избежать скандала, и других афер. Но как раз в то время, когда Гудини утратил веру в спиритизм, он повстречал особенную девушку, которая относилась к спиритуализму иначе. Она готова была поверить в любую сказку о ведьмах.

Бесс Ранер, восемнадцатилетняя девушка из Бруклина, была по происхождению немкой. С Гудини ее познакомил в одном мюзик-холле его брат, Дэш Гудини, партнер Гарри по фокусам. Хотя Гарри был всего на год старше нее, он считал, что должен защитить ее от своего грубоватого окружения, в том числе от здоровяка Дэша, на фоне которого Бесс казалась совсем крохотной: она весила всего сорок один килограмм, да еще и одевалась как ребенок. В голосе Бесс слышался обворожительный акцент, а огромные голубые глаза смотрели на мир столь наивно, что казалось, будто она тут же потеряется без присмотра взрослых. Она работала белошвейкой в мастерской и пела в группе «Флорал систерс». Правда, учитывая, что ее группа в основном выступала в пивных на улице Бауэри, вся ее невинность, вероятно, была напускной. Однажды она в шутку заявила, что продала свою невинность за апельсин – большего нищий Гудини ей предложить не мог. Как бы то ни было, его ухаживания не были долгими: уже через пару недель они обменялись клятвами и втайне сыграли свадьбу в Вест-Брайтоне.

У них были веские причины скрывать свои отношения. Родители Бесс были католиками, и ее мать пришла в ужас, узнав, что дочь вышла замуж не просто за еврея, но еще и за неизвестного фокусника. Сесилия Вайс же, напротив, приняла невестку-гойку с распростертыми объятиями, сказав, что отныне считает ее своей дочерью. И все же для Бесс было непросто расстаться с матерью и десятью братьями и сестрами. Она плохо знала своего супруга, и традиции семьи Вайс были для нее чуждыми. К тому же роль миссис Гудини налагала определенные обязательства – ей предстояло помогать мужу в карьере фокусника.

Гудини хотел научить Бесс изображать медиума, но для этого предстояло развеять ее страх перед черной магией. Однажды вечером он попросил ее написать имя, которое она никогда ему не говорила. Бесс написала на листе имя своего покойного отца, а потом сожгла

бумагу над газовым светильником, который Гудини зажег. Следуя его указаниям, она вручила ему пепел. Гарри растер пепел по своему предплечью, и имя отца – Гебхард – проступило на его коже, будто написанное кровью. Бесс завопила от ужаса и бросилась из квартиры.

– Глупая девочка, это всего лишь фокус, – урезонивал ее Гудини, перехватив на лестнице и успокоив.

Через некоторое время он обучил ее тайнам ясновидения и престижиджитации, показал, как входить в транс и предсказывать судьбу. Гарри хотел, чтобы Бесс заняла место Дэша в их представлениях и они могли выступать со спиритическими номерами, невероятно популярными в ту «эпоху водевиля». «Профессор Гудини» получал от добровольца из публики монету – и Бесс называла написанную на ней дату чеканки. Он брал визитную карточку у одного из зрителей – Бесс оглашала имя и адрес на ней. «Удивительное и таинственное представление профессора и мадам Гудини поражает воображение всех, кому посчастливилось лицезреть их изумительные номера», – писали в газетах.

Поскольку Бесс была подвижнее Дэша, Гудини усовершенствовал свой трюк «Метафорфозы». Но все равно им не хватало популярности. Три года спустя супружеская пара выступала в цирке братьев Уэлш в Пенсильвании: Гудини досталась не только роль фокусника, но и Дикаря с Борнео – чудовища в клетке, ползавшего по полу в кандалах, пока зрители бросали ему «на съедение» сигары и сигареты, а конферансье помахивал рядом с клеткой куском сырого мяса, словно поддразнивая Дикаря. С другими цирковыми группами или отдельно они выступали в округах Новой Шотландии на востоке Канады, на выставках диковинок в городах от Нью-Йорка до Чикаго и в мюзик-холлах в сердце Дикси. Супружеская пара включила в свой репертуар комедийные номера и попробовала свои силы в бурлеске и мелодраме. Но ничто, казалось, не привлекало внимания газетчиков и импресарио водевилей.

Бесс впала в уныние, к тому же ее физическое состояние ухудшилось. Когда даже приглашения на выставки диковинок начали иссякать, Гудини в поисках работы хотя бы ассистентом написал двум великим фокусникам конца девятнадцатого века – Александру Германну и Гарри Келлару. Но им он оказался не нужен. Гарри обращался в четыре главные нью-йоркские газеты, предлагая продать секреты всех своих драгоценных трюков всего за двадцать долларов. Но покупателей не нашлось. Он поместил объявление о продаже оборудования, которое использовал в своих выступлениях. Но заказов не было. Он открыл школу фокусов. За исключением одного пожилого чикагского бизнесмена, учеников не нашлось.

Отчаяние привело его в бродячий цирк лекаря-шарлатана доктора Хилла – подобные бродячие цирки считались наименее престижными из всех забав такого рода. Гудини едва хватило денег на билет на поезд в Канзас, где они присоединились к доктору Хиллу и выступали на сцене бродячего цирка, иногда давая представления в мюзик-холлах провинциальных городков. В перерывах между выступлениями фокусник продавал косметические изделия и «чудесные» эликсиры. Великий Гудини стал бродягой и аферистом. Но его многогранный талант не зачах в цирке доктора Хилла, однажды предложившего кое-что интересное. Хилл – с длинными ниспадающими на плечи волосами, наделенный даром красноречия – напоминал странствующего пророка. Он хотел изменить программу воскресных выступлений, найти что-то, что поможет стясти чертовы деньги со зрителей побогаче. Хилл спросил, может ли Гудини провести спиритический сеанс. Уверенно улыбнувшись, фокусник ответил, что призовет духов мертвых в любом округе.

Пути спиритуалиста

«ВЕЛИКИЙ ГУДИНИ ПРОВЕДЕТ СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС У ВСЕХ НА ГЛАЗАХ В ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕЧЕРОМ» – такая надпись красовалась на плакатах в 1897 году, когда Гудини гастролировал по прериям. Его представление с духами мертвых базировалось на трюке братьев Дейвенпорт – легендарных фокусников, на чьих выступлениях Гарри бывал еще ребенком и видел, как они заставляют музыкальные инструменты играть, хотя к струнам и клавишам никто не прикасается. В трюке Гудини добровольцы из зрительного зала связывали его в закрытом помещении, где на столе лежали гитара, рожок и тамбурин. Гарри якобы никак не мог освободиться, чтобы дотянуться до этих инструментов, но, когда свет в комнате приглушали, фокусник начинал бормотать, призывая в помощники духов. Дверь комнаты распахивалась, и зрители видели Гудини – но не играющим на инструментах, а впусившим в себя духа!

В те дни спиритизм и эстрадные фокусы часто шли рука об руку. Перед спиритическим сеансом было принято связывать или сковывать цепями медиума, чтобы сделать его выступление более правдоподобным. Без пут можно было бы набросить белые одеяния и надеть восковую маску, чтобы симитировать появление призрака, или приподнять ногой стол для спиритических сеансов, или поднести к губам трубу, чтобы изобразить «загробные» голоса. Медиумы стали первыми иллюзионистами, умевшими высвобождаться из веревок и цепей. В журнале «В мире науки» опубликовали разоблачительную статью под названием «ПУТА СПИРИТУАЛИСТА», в которой говорилось, как именно освобождаются эти кудесники – отнюдь не при помощи каких-то оккультных сил. Там подробно описывалось, как умелые медиумы сбрасывают веревки, наручники, цепи и ошейники, пользуясь поддельными звеньями цепей, спрятанными ключами и ослабленными узлами веревки.

Гудини использовал именно эти методы, зато его спиритические представления позволили зарабатывать на жизнь. Иногда он делал вид, что погружает Бесс в транс, и призывал публику задавать вопросы о духах. Но чаще именно он, знаменитый Ясновидец, вступал в контакт с миром иным. Гудини считал себя медиумом-детективом. Перед выступлением в небольшом городке он отправлялся на местное кладбище и записывал имена, выбитые на надгробиях, чтобы потом использовать эти данные на своих сеансах. Иногда он подкупал кого-нибудь в городке, чтобы его провели среди могил и рассказали об историях семей и трагических событиях. Он изыскивал способы просмотреть истории болезней в местных больницах и часто сживал в столовых пансионатов, чтобы собрать сплетни, которые могли пригодиться на сеансе. Итак, когда приезжал Гудини, мертвые не безмолвствовали.

При этом иллюзионист понимал, что, даже когда он проводит сеанс, полагаясь только на собственную смекалку, без мошенничества и предварительного расследования, которое помогло бы ему, его выступления все равно казались публике убедительными. «Что бы я ни говорил, кто-то в зрительном зале оказывался уверен, что это послание духа, обращенное ему лично... Когда я заметил, с какой серьезностью воспринимают мои слова, и узнал, что меня считают выдающимся медиумом, превосходящим многих иных, я осознал, что игра зашла слишком далеко». Медиумов арестовывали за то, чем занимался он, – за мошенничество. Также Гудини понял: хоть спиритические сеансы приносят легкие деньги, это пустая трата таланта. Он хотел стать знаменитым иллюзионистом, а не очередным

аферистом, наживающимся на человеческой наивности.

Решение нашлось отнюдь не в мире ином. Вскоре после того как Гудини оставил свои занятия некромантией, он повстречал импресарио, изменившего его жизнь. Гарри вернулся к выступлениям на выставках диковинок, на этот раз в Миннеаполисе, когда после шоу к ним с Бесс подошел какой-то венгр, дымящий кубинской сигарой, и пригласил их на кофе. Он призвал Гудини забросить мелкие трюки – мол, все это банально. Но у Гарри было два трюка («Метаморфозы» и его номер с наручниками), которые не мог повторить никто. Незнакомец предложил Гудини работу, если Гарри согласится изменить программу выступления. Этим венгром оказался Мартин Бек, владелец театра «Орфей», одной из наиболее крупных сетей цирков и водевилей в стране.

Высказав свое предложение Гарри, Бек откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он прочил Гарри великое будущее.

Вскоре после этой встречи Гудини раздал своих любимых голубей и морских свинок – больше он не станет доставать их из цилиндра. От карточных фокусов он так и не отказался, но продал оборудование для фокусов и забросил трюки с телепатией и призраками. Гудини были уверены – больше их поезд не заедет на станцию Астрал.

Впервые новый трюк Гарри продемонстрировал в отделении полиции в Сент-Луисе, где собрались полицейские и репортеры.

Великого Гудини раздели догола, рот заклеили лейкопластырем, чтобы он не мог спрятать там ключи или отмычки. Начальник полиции и его помощники надели на Гарри наручники и ошейник, а затем скрепили наручники и ошейник двумя замками, заведя Гарри руки за голову. Иллюзионист рассмеялся, предлагая им принести больше цепей. Тогда ему заковали ноги в кандалы... и оставили на две минуты. Он змеей выскользнул из всех пут.

Ошеломленной публике Гудини сказал, что изучал замки всю свою жизнь и знал о них больше, чем кто-либо на свете. Он поклялся, что в его способностях не было ничего сверхъестественного: он просто очень силен.

– Вы только потрогайте эти мышцы! – предложил он.

«Точно сталь», – писал репортер «Сент-Луис Пост-Диспетч». Газетчики сравнивали Гудини со знаменитым прусским силачом, выступавшим под псевдонимом Евгений Сандов, восхваляя Гудини и Сандова как образец мужественности. Не скупилась она и на комплименты в адрес миссис Гудини – за ее ловкость в трюке «Метаморфозы», ее «нежный звонкий голос» и «огромные мечтательные голубые глаза». Впрочем, в большинстве знаменитых трюков Гудини, связанных с освобождением, Бесс не участвовала. Гудини заявил, что прыгнет в наручниках и кандалах с моста Идс в полноводную Миссисипи. После того как ему это удалось, он повторил трюк, прыгнув в Мерси в Англии, Рейн в Германии, Сену во Франции и многие реки Америки.

За следующие двадцать лет Король наручников сумел освободиться практически от любого заточения. Его запирали в вагоне, в котором особо опасных преступников везли в Сибирь, помещали в огромный молочный бидон, погребали подо льдом в Голландии. Его приковывали к вращающемуся крылу ветряной мельницы, к шасси автомобиля, к дулу заряженной пушки. Его помещали в мешок для почты, перетянутый кожаными ремнями с «правительственными» замками. Его привязывали к балке недостроенного небоскреба на уровне двадцатого этажа. На него надели смирительную рубашку, прочно закрепили булавками и сбросили в Нью-Йоркскую бухту – и он всплыл, триумфально улыбаясь.

В марте тысяча девятьсот шестого Гудини раздели догола, надели по две пары

наручников и кандалов и усадили в камеру бостонской тюрьмы на Сомерсет-стрит – тюрьмы, из которой еще никому не удавалось сбежать. Он вышел оттуда через шестнадцать минут. Мало того, что он выбрался из своей камеры, он еще и вскрыл замки всех камер в своем блоке. Каким-то образом ему удалось миновать две двери с железными решетками, запертые сложнейшими замками. Он проник в помещение на первом этаже, где хранилась его одежда, и никем не замеченный прошел мимо охранников, воспользовавшись одним из трех выходов из тюрьмы. В тюремном дворе журналисты и сотрудники тюрьмы прошли по его следам, оставшимся на снегу, и уткнулись в стену, где следы обрывались.

Эти трюки заставили многих подозревать, что Гудини способен покидать наше измерение. Ходили слухи, что он может распадаться на молекулы, переноситься в астральный план, а через мгновение собираться в другом месте, освободившись из заточения. На самом же деле фокусы давались ему упорным физическим трудом и ему пришлось выдержать немало испытаний. Но как медиумам часто нужно уединение, чтобы приступить к выступлению, так и Королю наручников требовалось помещение на сцене, где он мог укрыться, освобождаясь от пут. Кроме того, он часто приходил на выступления других иллюзионистов, подражавших ему, и бросал конкурентам вызов – смогут ли они выбраться из таких же кандалов, наручников и веревок, что и он. Гудини часто вспоминал, как в Германии, в одном берлинском театре, один такой подражатель не справился с задачей, и Гарри вытащил его за шиворот в центр сцены, прямо под свет софитов, и потребовал у все еще скованного фокусника признать поражение – или Гудини его не освободит. Самозванец разревелся, как выпоротый ребенок. Так Гудини расправлялся с конкурентами.

Невероятный скачок

Во время долгого восхождения Гудини на пик славы Америка менялась. Даже в провинциальных городках, где он выступал, уже было электричество. Автомобили заполнили дороги, мюзик-холлы сменились кинотеатрами. Великий Гудини стал не только иллюзионистом, но и героем экрана. Прошло два десятилетия с тех пор, как он выступал в бродячем цирке лекаря-шарлатана, и с тех пор, как он решил держаться подальше от всего, связанного со спиритизмом. Он прославился своими потрясающими трюками, которые, как он говорил журналистам, основывались исключительно на законах физики.

Но, невзирая на всю свою популярность, Гудини хотел добиться чего-то большего, чем слава, связанная с кинематографом и варьете. В отличие от чемпиона мира в супертяжелом весе Джека Демпси, которого многие называли трусом за уклонение от службы в армии, Гарри после начала войны попытался пойти на фронт. Он не прошел в добровольцы по возрасту, но никто не осуждал его за это. С характерным для него рвением Гудини нашел другие способы поддержать соотечественников в этой войне. Он учил моряков выбираться из затонувшего судна в случае, если корабль подобьют торпеды кайзера. Он приходил в армейские казармы и выступал перед солдатами. Он устраивал множество благотворительных представлений и продал «облигаций свободы» – ценных бумаг для финансирования военных расходов – на сумму в миллион долларов. Он пожертвовал собственные деньги на строительство отделения больницы для раненых солдат, назвав это отделение в честь своей на то время уже покойной матери. Таким образом, иллюзионист сыграл свою роль в войне за демократию. Тем не менее его беспокоило то, что он наблюдал за представлением, так сказать, из зрительного зала, в то время как более молодые мужчины непосредственно участвовали в сражениях.

Не сумев доказать свое мужество в окопах под огнем, Гудини в конце 1919 года воспользовался возможностью показать всем, на что он способен под водой. На съемках очередного фильма в Калифорнии на острове Санта-Каталина Гарри участвовал в настоящей жизненной драме, разыгрывавшейся на море. Небольшое судно потерпело крушение и рисковало вот-вот затонуть или налететь на скалы мыса Шугарлоф. Услышав крики команды, Гудини быстро обвязался веревкой, схватил спасательный круг и прыгнул в бурные волны. Отгораживаясь от волн выставленным спасательным кругом, он ловкими мощными гребками быстро продвигался к утопающим – а те, будто по команде режиссера этой драмы, махали руками и звали на помощь. На берегу, перед гостиницей Св. Катерины, собралась толпа и зеваки ликовали при виде того, как звезда экрана пытается спасти потерпевших.

Но все пошло не по сценарию мелодрам. Гудини выбился из сил, налетел на скалы и от удара чуть не потерял сознание. Вытаскивать его пришлось глубоководным водолазам. Моторному катеру понадобилось почти сорок пять минут, чтобы преодолеть штормовые волны и добраться до пострадавших. И все же Гудини задумывался: смог бы он повернуть этот трюк, когда был моложе?

Хотя в 1920 году Гудини исполнилось сорок шесть лет, люди восхищались его силой, столь необычной во времена, когда, по словам Генри Луиса Менкена, среднестатистический мужчина «скорее походил на зайца, чем на льва». В прошлом году умер Теодор Рузвельт, а с ним канула в небытие и исполненная вызовов судьбы жизнь, которую прославлял этот политик. «Американцы становятся мягкотелыми», – говорил Ф. Скотт Фицджеральд. Тем не

менее Гудини все еще служил воплощением упрямого духа гетто. Иллюзионист следовал своему кодексу чести, он вел аскетичный образ жизни, опасаясь, что если утратит хватку, то дни его будут сочтены. Он спал всего четыре часа в сутки, жил в тихом домике в Верхнем Вест-Сайде в Манхэттене, ограничивал себя в еде. У него не было детей, которые отвлекали бы его. Жена помогала тренироваться. Все усилия были направлены на совершенствование навыков мастера побега.

Гудини проделал долгий путь и не собирался мириться с приближением старости. Пышные волосы подернулись сединой и поредели, кожа стала дряблой, но серовато-голубые глаза не утратили былой пронзительности. Даже на позднем этапе карьеры амбиции Гарри были беспредельны. Он планировал встретить 1920-е годы прыжком в наручниках с небоскреба Вулворт на Манхэттене – самого высокого на то время здания США. Предполагалось, что он каким-то образом снимет в падении наручники, откроет парашют и приземлится на Бродвее в зоне, специально подготовленной для его прыжка. Друг Гудини, Орсон Мунн, представлял себе, насколько зрелищным получился бы трюк. Владелец журнала «В мире науки», арендовавший офис компании в Вулворте, часто поднимался с гостями на лифте на пятьдесят восьмой этаж небоскреба на смотровую площадку. Он утверждал, что открывающаяся панорама поражает воображение куда сильнее, чем вид с колеса обозрения в парке аттракционов на Кони-Айленд. Невзирая на послевоенный кризис, Мунн предрекал наступление десятилетия прогресса. Во многом благодаря клиенту своего отца, Томасу Эдисону, чьи изобретения компания Мунна помогла запатентовать, кинематограф процветал, фонограф был чуть ли не в каждом доме, а будущее сулило новые чудеса, о которых так часто писали в его журнале.

Но вскоре Гудини встретился с Мунном в «Ратскеллере», дорогом ресторане в полуподвальном помещении Вулворта, и сообщил, что этот «невероятный скачок», к сожалению, не удастся осуществить, поскольку его сочли слишком опасным и город не дал разрешения. Но Гудини заверил Мунна, что 1920 год станет годом чудес. Гарри планировал издание своей книги «Иллюзионисты и их методы»^[14], выходил его новый фильм, а главное, он собирался на гастроли в свою любимую европейскую страну. Его турне было отменено в связи с началом войны, и теперь Гудини намеревался провести в Великобритании около полугода, наверстывая упущенное. Также он во время своего пребывания там хотел проверить потрясающее заявление, с которым выступили сэр Оливер Лодж и сэр Артур Конан Дойл: мол, им удалось связаться со своими погибшими сыновьями, пребывавшими в загробном мире. Итак, как раз в то время, когда сэр Оливер прибыл в США из Англии, Гудини проделал тот же путь в обратном направлении.

Американский мистериарх

Когда сэр Артур отправился в Портсмут посмотреть выступление Гудини, ему предстояло посетить место, в котором когда-то началась его новая жизнь. Прошло почти тридцать лет с тех пор, как доктор Конан Дойл приобрел дом – первый в жизни собственный дом – в районе Саутси, пригороде Портсмута. В этом скромном доме он открыл свой первый частный кабинет. Даже тогда он стремился к иной, не медицинской карьере. У молодого врача хватило сил заниматься не только практикой, но и работать, преследуя другую цель, и именно в Портсмуте он создал свое величайшее творение, которое позволило ему оставить неприбыльную и нелюбимую профессию: Конан Дойл написал первое произведение о Шерлоке Холмсе – «Этюд в багровых тонах». Способности Дойла к критическому мышлению часто сравнивали с необычайным талантом придуманного им детектива. Когда Дойл был еще неизвестным врачом, Роберт Кох, уважаемый немецкий бактериолог, предложил новый метод лечения туберкулеза. Дойл был одним из первых, кто усомнился в действенности этого метода. И оказался прав – к несчастью для его первой жены.

С Портсмутом у сэра Артура было связано много ярких воспоминаний. Тут он влюбился в свою молодую пациентку Луизу Хокинс и женился на доброй и любящей его девушке. У них родилось двое детей – Мэри и Кингсли, но их мать Туи, так Дойл называл свою первую жену, заболела туберкулезом. Ей не удалось пережить войну с Германией, смерть сына и превращение мужа в «святого апостола Павла» спиритуализма. Увлечение Дойла сверхъестественным тоже началось в Портсмуте. Отрекшись от католицизма еще до приезда в Хэмпшир, сэр Артур, к ужасу Туи, взялся за изучение спиритуализма и теософии, оккультно-религиозных учений. Теософия оказалась для него дискредитирована, когда в результате расследования, проведенного Обществом психических исследований, мадам Блаватская, глава движения, была разоблачена как мошенница. В спиритуализме же Дойла привлекала авторитетность некоторых последователей этого движения в Портсмуте. В городе было много военнослужащих, и когда офицеры, люди здравомыслящие и много чего повидавшие на своем веку, говорили об убедивших их впечатлениях на спиритических сеансах, сэр Артур к ним прислушивался, хотя результаты его собственных изысканий в этом вопросе не свидетельствовали в пользу спиритуализма.

Но если в Портсмуте сэру Артуру и не довелось столкнуться с духами, то воспоминаний, связанных с этим городом, было много. Вскоре после того как Артур в возрасте двадцати четырех лет открыл частную врачебную практику в доме по адресу Бушвиллас, 1, мать прислала ему в помощники младшего брата, Иннеса. Поскольку отца рядом не было, Дойл взял на себя эту роль и поддерживал зарождающийся интерес брата к военной карьере. В те дни Дойлы часто приходили к почтамту, ожидая новостей о военной кампании в Египте, а в порту наблюдали, как солдаты отправляются в Африку сражаться с арабами или зулусами, и в своих мечтах Иннес видел себя среди этих храбрецов.

К 1920 году Иннес давно уже был похоронен во Фландрии, но Дойлу было все равно, где лежат бранные останки брата, – разве можно утешиться, приходя на могилу и возлагая цветы на гранит? Дойл верил, что усопшим неприятно видеть, как скорбят по ним семьи. Нет, покойным, как и тем, кто утратил любимых, нужно иное – способ связи!

Прошло несколько месяцев, прежде чем сэр Артур получил послание из загробного мира во время спиритического сеанса, но впоследствии он утверждал, что говорит с Кингсли

и Иннесом не реже, чем в те времена, когда они были живы. По словам Дойла, все, что нужно для связи с мертвым, – это талантливый проводник в мире духов, медиум.

Любому американцу, приехавшему в Англию, сразу становилось понятно, что Первая мировая война, которую уже начали забывать у него на родине, все еще чувствуется в Великобритании. Тут сохранилось нормированное распределение продовольственных товаров, а искалеченные ветераны просили милостыню на улицах. Катастрофа, казалось, изменила даже внешний вид англичан. «Где же восхищавшие меня в детстве гиганты с мощно выпяченной грудью и густыми усами, взлетающими парой орлиных крыльев? Полегли, погребены в болотах Фландрии, я полагаю»^[15], – писал Джордж Оруэлл.

И вот в опустошенную войной Великобританию приехал великий Гудини, воплощение американской жизненной силы. Как выяснилось, страна все еще очарована спиритуализмом. Гудини слышал о том, что книга сэра Оливера Лоджа об общении с погибшим сыном была более популярна в Великобритании во время войны, чем Библия. Прошел уже год со дня победы, а «Новое откровение» Дойла все еще будоражило умы. Книги о призраках и сверхъестественном хлынули на прилавки магазинов. Сэр Артур вступил в ожесточенную дискуссию с церковью о легитимности спиритуализма как религиозного течения. Гудини переписывался с Дойлом и не сомневался, что этот доктор, ставший знаменитым писателем, искренне верит в то, о чем говорит, но многие оккультисты, с точки зрения Гарри, не чурались проверенных временем фокусов.

В газетах жаловались на засилье теософов, демонопоклонников, столовращателей и тибетских мудрецов. Не единожды сталкиваясь с подобными шарлатанами во время своей работы на выставках диковинок, Гудини сразу узнал их, называя стервятниками, слетевшимися после кровавой бойни. Спиритические сеансы, которыми Гудини зарабатывал в молодости, вновь вошли в моду. Вопрос о том, что происходит после смерти, волновал всех. «Действительно ли английские, немецкие, французские, а теперь и американские солдаты, погибшие в окопах, утрачены навсегда и их отцам, матерям, женам, детям или возлюбленным не связаться с ними больше?» – писал репортер «Нью-Йорк Геральд Трибьюн». Гудини вклеил эту статью в свою записную книжку, прежде чем отправиться в Англию. Он собирал газетные вырезки по двум темам: о собственных выступлениях и о спиритизме.

Гудини понимал тех, кто искал утешения в спиритических сеансах. Хотя во время войны он не потерял близких, Гарри все еще скорбел по матери, и его переживания во многом соответствовали чувству утраты, царившему в Англии. Но он таил свое горе. Подобно шаманам, он видоизменял свою тьму, направляя ее на ведущие к катарсису свершения – на поприще своего мастерства иллюзиониста.

Из всех своих трюков с побегам Гудини считал величайшим побег из китайской водяной камеры пыток и объявил этот номер венцом творчества, апогеем изысканий и трудов. У него ушло около трех лет на разработку и подготовку трюка. Когда он впервые выступил с этим номером в Европе в 1912 году, еще до войны, в обществе царил страх смерти в морской пучине, спровоцированный крушением «Титаника». Похоже, в своих выступлениях Гудини часто удавалось в какой-то степени отражать характерные для текущего момента желания и страхи. Так, английский эксперт по физическим манифестациям астральных сущностей Джеймс Хьюит Маккензи утверждал, что освобождение из водяной камеры пыток возможно только при помощи настоящего колдовства.

Когда Гудини продемонстрировал этот трюк в Национальном театре варьете в Лондоне,

Маккензи испытал «сильную утрату физической энергии... как обычно бывает у участников спиритических сеансов, во время которых материализуются духи». Маккензи был уверен, что иллюзионист развоплотился и именно это позволило ему пройти сквозь стену камеры, в которой он был заперт. Как бы то ни было, трюк, который Маккензи называл «потрясающим проявлением одного из загадочнейших чудес природы», вызывал восхищение у зрителей, считавших, что просто смотрят отлично выполненный номер в театре варьете.

Каково это – тонуть в камере пыток? Вопрос интересовал многих. Во время выступления в цирке Портсмута ассистенты Гудини стояли рядом с резервуаром с топорами наготове: если что-то пойдет не так, они разобьют стекло и освободят иллюзиониста. Оркестр заиграл песню «Утопленники» Артура Лемба, и все взоры устремились к Гудини, подвешенному вниз головой в колодках, закрепленных на крышке резервуара. Лицо в воде казалось раздувшимся, тело в лучах софитов – неестественно белым. Он напоминал труп, погребенный в диковинном саркофаге атлантов. Несколько мгновений зрители могли видеть Гудини за стеклом, пока крышку фиксировали запорами и закрывали на всякие замки. Вода выплескивалась, растекаясь по непромокаемому брезенту, которым была устлана сцена, и забрызгивая резиновые сапоги одетых в черное ассистентов. Затем камеру пыток закрыли желтым занавесом, чтобы сохранить тайну. Прошло две минуты. В зале царил гробовая тишина, только охнула какая-то женщина. Затем настал миг воплощения: занавес отдернули, и рядом с водяной камерой предстал Гудини – высвободившийся, с широкой улыбкой на губах, тело влажно поблескивает, а вот волосы почему-то сухие, хоть это и невозможно. Публика возликовала. И громче всех аплодировал сэр Артур Конан Дойл.

Подобные невозможные трюки вскоре убедили не только Маккензи, но и Дойла в том, что Гудини был могущественным медиумом – тем самым проводником в мир духов, которого сам Гудини так долго искал. В переписке Гудини и Дойла зимой и весной 1920 года Гудини говорил, что готов поверить в общение с духами, если найдет хоть одного настоящего медиума, человека, который не станет прибегать к фокусам, когда его подводят сверхъестественные способности. С тех самых пор, как умерла мать, Гудини пытался отыскать ясновидящего, способного связаться с ней, и сожалел о том, что до сих пор все спиритические сеансы, в которых он участвовал, были пустой тратой времени. На сеансах он не обрел утешения, как сэр Артур.

Гудини условился с семью друзьями, оговорив кодовое сообщение: они договорились, что тот, кто умрет первым, передаст это сообщение из мира иного медиуму на сеансе. Все эти друзья уже умерли, но ни один медиум так и не услышал кодовую фразу. Это лишь укрепило Гарри в его сомнениях.

Гудини сказал Дойлу, что благодаря своему опыту выступлений в качестве медиума и посещений спиритических сеансов он мог взглянуть на проблему и снаружи, и изнутри и стал экспертом в вопросах шарлатанства на сеансах. Он лично присутствовал на выступлении Берта Рейсса, одного из наиболее впечатляющих американских ясновидящих, в сверхъестественные способности которого верил даже Томас Эдисон. «Профессор Рейсс», как он сам себя называл, был немцем еврейского происхождения. Этот седовласый ясновидящий мог отвечать на вопросы, записанные на бумагу в его отсутствие и сложенные в ящик. Никто не знал, как это ему удастся: обладает ли он телепатией, рентгеновским зрением, способностью к психометрии или прорицанию.

Гудини разоблачил его мошенничество.

Он поймал Рейсса за руку, когда тот проворачивал свой фокус, – ему требовалось всего

одно молниеносное движение. Рейсс сказал Гудини, что тот был первым, кто разгадал его метод. Для своих чудес «профессор» пользовался ловкостью рук и оказался настолько умелым иллюзионистом, что дал бы фору любому, кого Гудини когда-либо видел в варьете.

В письмах сэру Артуру Гудини предполагал, что вся история спиритизма может оказаться насквозь пропитана мошенничеством.

«Я понимаю, что вам многое известно об отрицательной стороне спиритуализма, – ответил сэр Артур. – Но я надеюсь, что вы когда-нибудь увидите и позитивную сторону».

Травля мошенников и жуликов была для Гудини чем-то вроде спорта, которым он наслаждался, однако он все же не хотел давить на непрофессиональных медиумов, веривших в свои способности, тех самых, которыми так восхищался сэр Артур. Гудини пытался относиться к своим расследованиям непредвзято и надеялся при помощи Дойла когда-нибудь найти настоящего медиума, который сможет передать ему подлинное сообщение от матери, ушедшей в мир иной целых семь лет назад.

Дойл утверждал, что часто говорил с духом своего сына, дважды – с духом брата и один раз – с духом племянника: «Несомненно, я слышал их голоса, и говорили они о сугубо личных вещах».

«Должно быть, это невероятное чувство – суметь поговорить с сыном, собственно, с любым близким человеком, которого вы так любили, – ответил ему Гудини. – Уверяю вас, ваше серьезное отношение к этому вопросу укрепляет меня в моей решимости отыскать истину или разгадать эту загадку».

Четырнадцатого апреля великий Гудини в сером плаще вышел из автомобиля. Он напомнил Дойлу не фокусника в цилиндре, а, скорее, одного из тех грубоватых немецких офицеров, с которыми сэр Артур как-то соревновался в гонках во время автомобильной выставки фирмы «Воксхолл», проходившей незадолго до начала войны. Впрочем, автор «Знака четырех» не ожидал грубостей от своего гостя: судя по письмам и поступкам, Гудини был человеком доброжелательным и порядочным. Он провел выступления в сиротских приютах Эдинбурга, родного города Дойла, и сделал пожертвование на обувь для сотен сирот. Да и дети писателя никогда так не радовались гостям в Кроуборо, как в этот раз.

Гудини подошел к огромному имению с красной черепичной крышей и пятью резными фронтонами. Его встретил слуга и сопроводил в залитую солнцем гостиную, где пятеро Дойлов – Артур, Джин и трое детей – ожидали прибытия великого иллюзиониста. Гудини извинился за отсутствие жены Бесс, и Дойлы провели его по обшитому деревом коридору в зал для приемов. Дети с благоговением взирали на человека, который мог проходить сквозь стены и когда-то провернул трюк с исчезновением слона. Заметив их восторг, Гудини достал из воздуха золотые монетки и вручил каждому – Денису, Адриану и Джин-Лене, которую все называли Билли. Гудини рассказал им, что часто показывал этот фокус, «деньги из ниоткуда», во время войны – так он одаривал солдат.

Дойлы аплодировали, восхищаясь импровизацией, Гудини же любовался особняком. Поместье носило название Уиндлсхем, и хозяева привели Гарри в огромный зал, где семья, бывало, играла в бильярд, музицировала, а еще, по словам Джин, однажды в 1900-х тут на приеме вальсировали сто пятьдесят пар. Стены украшали портреты английских боксеров, полотна работы Антониса ван Дейка и голова оленя, обрамленная патронами. Но в первую очередь Гудини бросились в глаза картины какого-то малоизвестного викторианского художника, изображавшие ведьм, вампиров и фей. Заметив его любопытство, Артур сказал, что эти полотна – кисти его покойного отца, Чарльза.

Гудини и Дойл в тот миг составляли странную пару: высокий и широкоплечий сэр Артур, шотландец по воспитанию и ирландец по происхождению, посвященный в рыцари, рассказывал о своем отце-художнике и кельтских преданиях о феях, а низкий и коренастый еврей Гудини с любопытством расспрашивал собеседника, и в речи его явственно слышался какой-то акцент (как подумалось тогда сэру Артуру, характерный для нью-йоркского еврейского гетто). Но сколь бы разными они ни были, их объединял интерес к тому, что происходит после смерти, и кое-что еще, не менее важное.

Чарльз Дойл не сумел заинтересовать публику своими оккультными картинами, и семья испытывала материальные трудности, поэтому сэру Артуру, как и Гудини, в детстве пришлось испытать унижение бедности. Оба хотели восстановить утраченную гордость семьи и сделать счастливыми своих исстрадавшихся матерей. Ребенком сэр Артур обещал матери: «...когда ты состаришься, у тебя будет бархатное платье, очки в золотой оправе и ты будешь сидеть у камина в уютном кресле». Подобную клятву дал и Гудини – и сумел сдержать слово. После выступления в театре Хаммерстайна он настоял на том, чтобы гонорар ему выплатили золотыми монетами, и радостно высыпал это сокровище в передник матери. Однажды он даже купил и подарил ей шелковое платье, сшитое для королевы Виктории. Когда Гудини заговаривал о Сесилии Вайс, Джин казалось, что все его

бахвальство исчезало и он превращался в маленького потерявшегося мальчика, мечтающего найти маму. Несмотря на разочарование от спиритических сеансов, Гарри не оставлял надежды связаться с духом матери в Англии.

К сожалению Дойла, другие люди, которыми он восхищался, не были столь непредвзяты в отношении спиритуализма. За обедом, доедая половинку грейпфрута, сэр Артур заговорил о недавней смерти Теодора Рузвельта: он считал гибель этого политика величайшей утратой для Америки со времен убийства Линкольна. Сэр Артур полагал, что полковник Рузвельт умер, потому что его сердце было разбито: сын Рузвельта Квентин был военным летчиком и погиб в сражении с немцами. Но к чему эти страдания? Друг сэра Артура, Редьярд Киплинг, тщетно обыскивал кладбище за кладбищем в Лос-ан-Гоэле, ведомый желанием выяснить, где же похоронен его сын. Но принесет ли это знание ему утешение?

– О господи, – восклицал сэр Артур. – Если бы они знали! Если бы они только знали!

После обеда Дойл провел гостя в свой кабинет на третьем этаже. Там Гудини увидел бюст Шерлока Холмса и еще одну мрачную картину Чарльза Дойла – фея защищает бабочку от когтей ужасного ворона. На столе на стопке бумаг лежало увеличительное стекло, а слева, на каминной полке, стояли фотографии солдат, выставленные друг рядом с другом в том порядке, в котором эти несчастные погибли. Перед ними были разложены ордена, полученные этими солдатами за героизм. Гудини эта каминная полка напомнила какой-то алтарь.

Сэр Артур показал ему снимки Кингсли и Иннеса Дойлов и сказал, что недавно говорил с ними обоими. Затем он указал на фотографию первого умершего, связавшегося с ним на спиритическом сеансе, – брата Джин Малкольма, который погиб в битве при Монсе. Это стало возможным благодаря медиуму Лили Лодер-Саймондс, и тот сеанс изменил мировоззрение Дойлов.

Сэр Артур признался, что и сам когда-то сомневался в способностях Лили. Но во время того первого сеанса она сказала что-то, отчего у него мурашки побежали по коже. Она утверждала, что видит солдата, показывающего ей золотую монету и предлагающего поговорить с ним. Этим солдатом был Малкольм. По словам сэра Артура, то был первый раз, когда ему довелось говорить с духом умершего.

Дойл объяснил, что он всегда носил на цепочке для ключей подарок Малкольма – антикварную гинею, но Лили никак не могла узнать об этом. Он снял с цепочки монету и показал ее Гудини. Иллюзионист ловким движением покрутил монету в пальцах, и Дойл на мгновение подумал, не заставит ли он ее исчезнуть, как заставил появиться монетки в фокусе, который показал сразу после приезда. Но Гудини лишь полюбовался гинеей, позволившей сэру Артуру воссоединиться с шурином, и подумал, что гинея – невысокая цена за чудо.

– Ищите и обрящете, – провозгласил Дойл.

И Гудини действительно искал: его смутный интерес к спиритуализму превратился в настоящую навязчивую идею, и стремление разобраться в истинности учения спиритуалистов заняло все время, которое Гарри провел в Англии. Правда, следует учитывать его профессиональную склонность к преувеличению, когда Гудини заявлял, что, по его подсчетам, он в среднем посещал один спиритический сеанс в день за полгода своего пребывания в Великобритании. Как бы то ни было, лучшие медиумы, с которыми Гудини познакомил Дойл, Анна Бриттен и Этта Врифт, лишь издавали какой-то невнятный шепот, якобы выражавший сообщения, переданные из потустороннего мира, сообщения, не

содержавшие никакого смысла. «Все это смехотворно», – писал Гудини в своем дневнике.

Дойл объяснял неспособность Гудини вступить в контакт с умершими близкими особенностями его поведения: сэр Артур был уверен, что его вспыльчивость мешает впечатлительным женщинам-медиумам сосредоточиться. Тем не менее Дойл полагал, что его друг продвинулся в своих поисках. По совету сэра Артура Гудини посещал спиритические сеансы, которые проводились только непрофессиональными медиумами – таким образом, он избегал наживавшихся на спиритуализме шарлатанов. По словам Конан Дойла, таких жуликов было меньше в Англии, чем в США, но коварства им было не занимать. «Я рад, что вы пытаетесь разобраться в религии спиритуалистов. Рано или поздно вы найдете хорошего ясновидящего», – подбадривал он Гудини. Он также советовал своему другу «проявить упорство в поисках, но при этом выбросить из головы идею о том, что медиума нужно преследовать, как терьер загоняет крысу».

Гудини, похоже, прислушался к его совету. Хотя миссис Врифт жаловалась, мол, иллюзионист – «настоящий баламут», большинство медиумов, к которым он приходил, отмечали его достойное поведение на сеансах. Более того, один медиум был особенно рад приветствовать Гудини на своем выступлении: незадолго до отъезда из Англии тот участвовал в расследовании Британского общества психических исследований, в рамках которого проверялись способности французского медиума, известного под псевдонимом Ева К., ее еще называли Королевой эктоплазмы. Поскольку экстрасенсорные способности Евы К. проявлялись исключительно на физическом уровне, сэр Артур не интересовался этим медиумом. Она не передавала посланий из мира иного, и общение с духами не входило в ее выступления. Ева К. была известна выделением эктоплазмы, из которой якобы формировались лица и конечности потусторонних существ. Ее сеансы были настолько зрелищными, что Ева К. стала знаменитейшим медиумом.

Ни один медиум в Европе не прошел столь тщательной и дотошной проверки, как она. Немецкий исследователь Альберт фон Шренк-Нотцинг проверял ее влагилице перед сеансом и после, чтобы убедиться в том, что она не прячет там поддельную эктоплазму. Гудини часто столь же кропотливо обыскивали перед трюком с побегом из тюрьмы, проверяя, не прячет ли он в отверстиях тела ключи или отмычки. Впрочем, ему не приходилось разрабатывать трюк побега из устройства, в конструкции которого экспертом был Эрик Дингуолл, дознаватель из Общества психических исследований. Дингуолл был автором научного труда, посвященного истории пояса целомудрия, и куратором коллекции объектов эротического содержания «Секретум» в Британском музее. Тем не менее Гудини считал, что этот эксперт недостаточно ограничил Еву К. в возможности мошенничества.

Гудини несколько раз присутствовал на ее выступлениях, где проявлялись ее сверхъестественные способности. Зрители – в том числе и Гудини – скандировали «*Donnez! Donnez!*»^[16]. Светящаяся жидкость выделялась из ноздрей медиума, на надбровных дугах образовался эктоплазматический «рог», изо рта показался какой-то полупрозрачный предмет и вскоре, как по волшебству, исчез, а однажды на появившейся эктоплазме проступило нечеткое лицо призрака.

Гудини был настроен скептически и в то же время был заинтригован. Он отметил, что Еву К. обыскивали женщины-дознаватели из комиссии Общества психических исследований, причем в другой комнате, и он считал, что телесные отверстия медиума не были проверены должным образом. Гарри рассказал Дингуоллу, как во время работы на выставках диковинок один японский акробат научил его глотать и затем выплевывать бильярдный шар. Гудини

знал, что тот акробат мог проделывать тот же трюк с лягушками, змеями и другими безволосыми существами. Иллюзионист подозревал, что Ева прятала в пищеводе, а затем исторгала из себя склизкое призрачно-белое гипсовое вещество. Он вообще не был уверен в существовании такой субстанции, как эктоплазма. «Что ж, вчера вечером на спиритическом сеансе вещество действительно выделялось, – писал он Дойлу, – но я не готов сказать, что в этом веществе есть что-то сверхъестественное».

У сэра Артура тоже были свои подозрения... касательно выступлений самого Гудини по всей Англии – в частности, его удивительной способности выбираться из надежнейшим образом запечатанных помещений. «Мой дорогой друг, – писал Дойл, – зачем ездить по всему миру в поисках проявления оккультных феноменов, если вы сами воплощенное проявление оккультного... Разум подсказывает мне, что вы наделены удивительнейшими сверхъестественными способностями и иного объяснения нет».

Зная о том, как ему удастся создавать иллюзию сверхъестественного на собственных выступлениях, Гудини не был готов признать подлинность способностей какого-либо медиума. Возвращаясь в Соединенные Штаты на судне «Император», он все так же скептически относился к разделяемой Дойлом теории, как и во время своего прибытия в Уиндлсхем. Жена сэра Артура, Джин, была уверена, что ей каким-то образом передался от Лили Лодер-Саймондс дар астрального зрения, и Дойл не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись с духами близких. По словам Гудини, Дойлы действительно верили в спиритуализм. Он сомневался, что рассудок сэра Артура затуманился, как утверждали злопыхатели. Он знал, что даже умнейшие и образованнейшие люди могут угодить в ловушку спиритической мистификации. Однажды во время спиритического сеанса на этом самом судне он видел, как был потрясен Теодор Рузвельт. «Но море не возвращает мертвецов, – думал он, – если не использовать какой-то фокус».

Спиритический сеанс для Рузвельта

Незадолго до начала Первой мировой войны Гудини плыл из Англии в Америку на судне «Император» и повстречал на борту Теодора Рузвельта. Хотя командир Первого полка добровольческой кавалерии США, прозванного Мужественными всадниками, и великий мастер побега принадлежали к разным мирам, во многом они были похожи. Оба любопытны и импульсивны, словно дети, и оба неотступно добивались своих целей – слова Г. Л. Менкена о Рузвельте прекрасно подходят и Гудини: мол, он наделен «почти патологичным стремлением к действию».

Надеясь развлечь полковника Рузвельта, Гудини хотел прыгнуть в наручниках в океан и провернуть трюк с освобождением. Капитан корабля запретил эту эскападу, но Теодор, прогуливаясь с Гудини по палубе и обсуждая спиритуализм, предложил другую забаву.

– Проведите для нас небольшой спиритический сеанс, – попросил он.

Всю жизнь Рузвельта интересовали разве что библейские чудеса. Тем не менее он был почетным членом Американского общества психических исследований и терзался осознанием собственной смертности. Недавняя неудачная экспедиция к устью притока Амазонки со звучным названием Рио-да-Дивуда – Река Сомнений – подорвала его здоровье. Двое членов экспедиции погибли в джунглях, а сам Рузвельт, свалившись от приступа малярии, впал в горячечный бред. Температура поднялась выше 40 °С, и Теодор был на волосок от гибели. После этого приключения он так полностью и не оправился.

Хотя Гудини к тому моменту уже оставил имитации спиритических сеансов, он был рад чем-то подбодрить павшего духом полковника. В условленное время Гудини, готовясь проводить сеанс, потребовал, чтобы его представление проходило при включенном свете – мол, он не из тех медиумов, кто вещает из-за занавеса или из закрытого помещения. Повернувшись к Рузвельту, Гудини осведомился, есть ли у того вопросы к духам. Подыгрывая ему, Теодор написал на листе, скрытом от глаз иллюзиониста, вопрос, затем сложил бумагу и спрятал ее в конверт. Гудини поднял две «доски духов» – небольшие грифельные дощечки – и продемонстрировал, что на них ничего не написано, а затем попросил своего глубокоуважаемого зрителя вложить конверт с вопросом между ними. Гудини связал дощечки между собой, и, следуя его указаниям, Рузвельт огласил вопрос:

– Где я был на прошлое Рождество?

Гудини сразу же развязал дощечки, и между ними обнаружилась цветная карта окрестностей Реки Сомнений – именно там встретил Рождество Рузвельт во время своей экспедиции в Бразилию. Полковник восхищенно охнул. Он только что придумал этот вопрос, у Гудини не было времени подготовить карту.

– Ей-богу, вот это доказательство! – воскликнул Теодор.

Зал взорвался аплодисментами, когда обнаружилось, что карта подписана покойным английским журналистом Уильямом Томасом Стедом: мол, именно его дух явил залу послание. Стед сам считался медиумом и якобы получал сообщения из мира духов. Повинуясь их зову, он отправился в Америку, но, к несчастью, купил билет на «Титаник» и погиб в холодных водах океана. Тем вечером он, как сочли зрители, достучался до них из Страны лета – друг Стеда, плывший на корабле, подтвердил подлинность подписи.

Новость об этом спиритическом сеансе мгновенно достигла Нью-Йорка и Вашингтона. Никто не понимал, как Гудини мог это сделать. Следующим утром Теодор обнял Гудини за

плечи и попросил – как мужчина мужчину – ответить на вопрос: был ли вчерашний сеанс проявлением «подлинного спиритуализма». Улыбнувшись и подмигнув, иллюзионист сказал:
– Это был просто фокус, полковник.

Так развеялось краткое очарование Рузвельта миром духов. Теодор умер через полгода после того, как его сын Квентин погиб в воздушном бою, и утешение новой религии трансцендентного оказалось не для него.

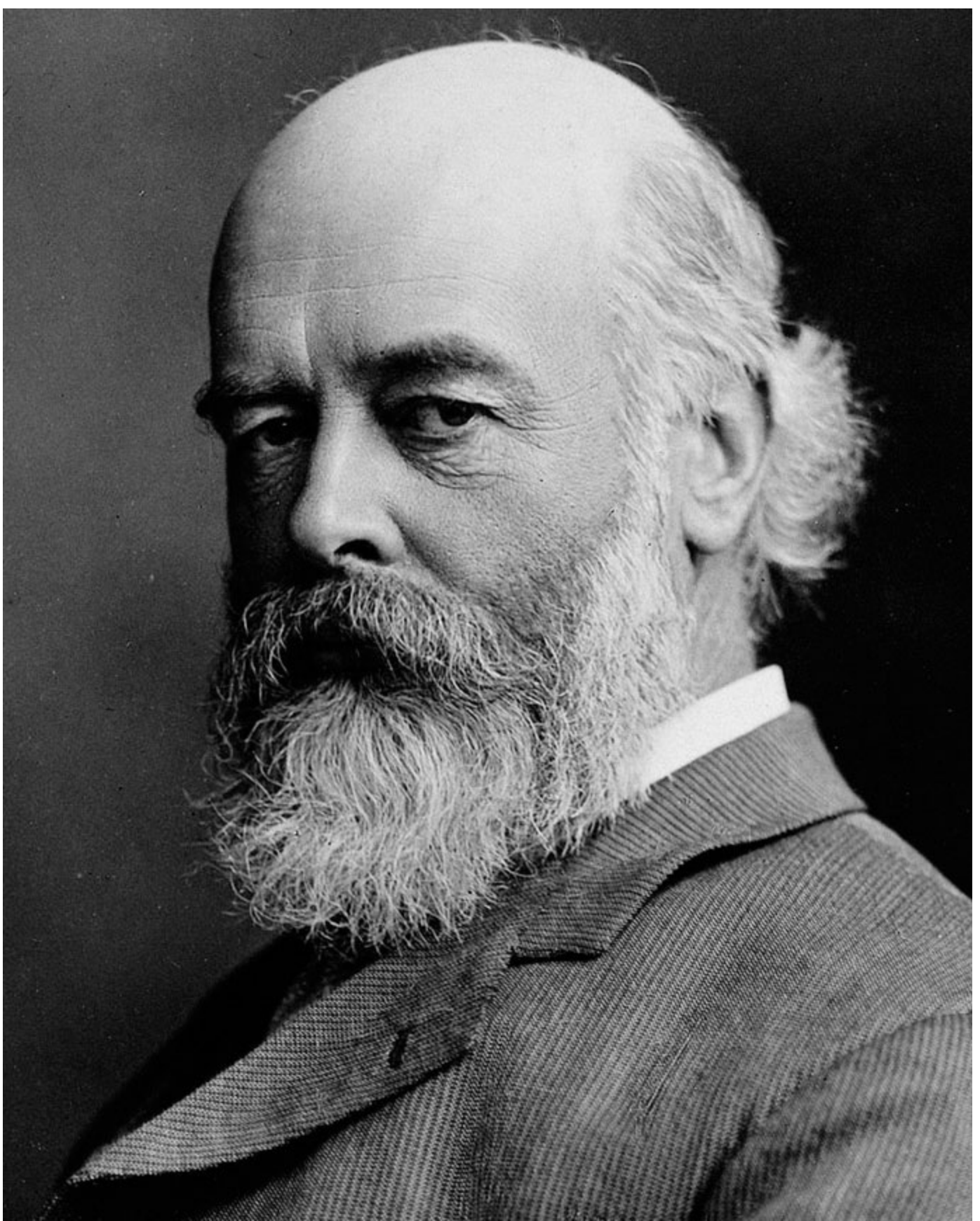
Часть III. Новые земли

Грань между двумя мирами – познанного и непознанного – все еще прочна, но кое-где она истончается, и, как камнеломы, пробивающие туннель друг другу навстречу, кроме журчания подземных вод и иных шумов, мы порой слышим, как наши товарищи с другой стороны бьют по камню кайлом.

Сэр Оливер Лодж

Сэр Артур Конан Дойл

Сэр Оливер Лодж

В коротком красном платице, едва прикрывающем бедра, танцовщица босиком выступала на сцене. Ее танец под балетную музыку был у всех на устах в Европе. Но тут ей не Париж. Старые добрые янки сочли ее выступление куда более вульгарным, чем танцы в знаменитых публичных домах на площади Сколлей-сквер. Когда, оскорбленная реакцией публики, она оголила грудь, многие зрители покинули зал. Но гарвардские студенты, гуманитарии и ученики музыкальных колледжей остались, с ликованием восприняв ее слова: «Когда-то вы были дикими! Не позволяйте никому приручить себя!»

Скандалная пламенная речь полуобнаженной Айседоры Дункан в Симфони-холле стала настоящей сенсацией. Несколько дней назад она выступала с той же программой в либеральном Нью-Йорке – правда, не оголяя грудь – и получила хвалебные отзывы критиков как «самобытная представительница авангардного балета». Но тут ей не Манхэттен. В Бостоне ее поливали грязью в газетах, в штате ее выступление запретили, а в гостиницах наиболее фешенебельного района Бостона ей не уставали перемывать косточки: мол, она старая и толстая, груди обвисли, задница разжирела. А ее речь – «Этот шарф красный! И я такая же!» – мол, была большевистской провокацией. Когда мэр Бостона Керли выгнал Айседору из города, запретив ее выступления, в газетах Херста это его решение нашло восторженные отклики. Многие из граждан, кто, подобно доктору Крэндону, редко одобрял поступки их консервативного мэра-католика, поддержали изгнание Айседоры Дункан. Пусть пропагандирует власть толпы сторонникам Ленина у себя на новообретенной родине, раз уж она их так любит.

Тут ей не Москва.

Бостонская элита ненавидела хаос и всяческие «-измы» того времени: социализм, спиритуализм, модернизм. Они хотели покоя и стабильности, обещанных президентом Гардингом. Но доктор Крэндон был отнюдь не аристократом по происхождению: его предки, приверженцы пуританской религии, прибыли в Америку из Плимута на торговом судне «Мэйфлауэр», и никто в его семье не удостоился титула. Кроме того, его поведение не всегда соответствовало ожиданиям бостонской элиты, согласно которым имя порядочного человека должно упоминаться в газетах дважды – в объявлении о рождении и некрологе. Развод доктора с его второй женой Люси Армс попал в новости. Более того, в городе, где большинство рьяно выступали против аборт, он не считал прерывание беременности недопустимым. Его неослабевающий интерес к исследованиям паранормальных явлений также многими считался странным. Сложно представить какого-нибудь Лоуэлла, Адамса или Куинси, занимающегося чем-то, связанным с призраками. В последние десятилетия спиритуализм ассоциировался со сторонниками свободной любви, суфражистками и другими радикалами. Невзирая на это, горячо любимый дедушка Роя, Бенджамин, был спиритуалистом – экстрасенсом-целителем, якобы умевшим видеть ауры и выписывавшим пациентам травяные отвары и «невидимые» бальзамы.

Доктор Крэндон говорил своей жене Мине, что не унаследовал этого экстрасенсорного дара. Он никогда не видел свет эфира, исходящий от пациентов, но ведь на медицинском факультете Гарварда его и не учили молитвам или ясновидению. Рой лечил людей более традиционными способами и настолько увлекался медициной, что после четырех лет в браке с Миной почувствовал, что любит работу больше, чем жену. Гуляя с Миной по Центральному

парку, доктор часто раздумывал о каких-то медицинских проблемах, полностью погружаясь в свои мысли и отказываясь обсуждать это с женой. Но когда в его жизни появилось новое увлечение, исследование паранормальных явлений, он был готов разделить эту страсть с супругой. Подруга Мины, Китти Браун, говорила, что доктор Крэндон увлекся спиритуализмом, как иные евреи увлекаются марксизмом. Он, бывало, ночи напролет читал журналы об оккультных явлениях.

А вот Мина была не из тех женщин, кто станет тихо читать в постели. Рой, посмеиваясь, называл свою третью жену хамелеончиком за то, как ей удавалось влиться в круг его друзей и из научного сообщества, и из городской элиты. Но она не могла полностью проникнуться духом его компании, и некоторые считали, что ей скучно играть роль светской дамы. Иногда в сопровождении Китти Браун она прогуливалась по Пинкни-стрит к северной части района Бикон-Хилл, где жили художники и иные представители богемы. Там, в подпольных барах на Джой-стрит, фраза «Не позволяйте никому приручить себя» стала крылатой. Впрочем, в том году в Бостоне сэр Артур Конан Дойл поднял куда больший переполох, чем танцовщица-коммунистка.

«Спиритуализм охватит весь мир», – утверждает Дойл.

Нью-Йорк Геральд

С навесной палубы британского пассажирского лайнера «Балтик» сэр Артур смотрел, как очертания его любимого американского города проступают в тумане. На фоне серовато-фиолетового неба Нью-Йорк напоминал какой-то город будущего, столь непохожий на что-либо в Европе. Рядом с сэром Артуром, раскрыв рты от изумления, стояли трое его детей, и он показал им самые высокие небоскребы – Зингер, Вулворт и Уайтхолл. Лайнер миновал Бэттери-парк, а Дойл все смотрел на город со смешанным чувством восторга и тревоги. Он знал, что целая армия журналистов ожидает его прибытия в порту. Сэр Артур понимал: мнение большинства американцев основывается на том, что они читают в газетах. Американские журналисты славились грубоватым юмором, а спиритизм был отличной мишенью для острот. Правда, Дойла несколько утешало то, что во время его предыдущего визита в Нью-Йорк, за два месяца до начала войны, они с журналистами отлично поладили. Тогда в газетах писали о его поездке в парк развлечений на Кони-Айленде – мол, автор книг о Шерлоке Холмсе пришел в восторг от американских горок. Писали они и о его прогулке по набережной среди уличных музыкантов и продавцов хот-догов. О том, как сотни мужчин сняли шляпы, а оркестр заиграл «Боже, храни Короля!», когда сэр Артур с супругой Джин шли по парку развлечений «Стиплчейз». За добрый и приветливый характер пресса стала называть Джин «Солнечной леди». Журналистам нравился ребячливый энтузиазм сэра Артура и его безграничное восхищение их городом. Но сейчас девятое апреля 1922 года. На этот раз сэр Артур приехал в Америку, чтобы миссионерствовать. В газетах его уже называли святым Павлом спиритуализма. «Что ж, если так, – думал он, – то Гудзон был его Соляной дорогой». Дойл был уверен, что апостол Павел, направляясь по Соляной дороге в Рим, не проповедовал в столь приверженном материализму городе, как предстояло сэру Артуру. Откажутся ли жители Нью-Йорка принять его «Новое откровение»?

Но надежду в него вселял предыдущий успех сэра Лоджа: после поездки ученого по США общение с духами стало популярно по всей стране, хотя практика спиритических сеансов, пусть и модная в Америке, рассматривалась, скорее, как пустое развлечение. Кроме того, сэр Артур находил утешение в послании из мира духов, полученном им пару недель назад в Кроуборо: «Ты не представляешь, сколь великий прорыв тебе удастся совершить. О твоих славных деяниях Америка будет помнить вечно. Мы все будем с тобой, даря вдохновение, силы и здоровье». Духи никогда не подводили сэра Артура. Он верил, что они были рядом, когда «Балтик» вошел в порт.

Первая волна газетчиков налетела на сэра Артура еще до того, как лайнер успел стать на якорь. Поднявшись на борт в проливе Нарроус, журналисты отыскали Дойла и окружили его – растрепанные, в мятых плащах и фетровых шляпах, и невероятно назойливые. Дым от магниевых вспышек ударил ему в лицо, и сэр Артур ощутил на губах порошок. Замелькали ручки, и Дойлу подумалось, что это оружие, готовое к удару при малейшем проявлении его слабости. Журналисты пытались отыскать проявления того, что их гостю из далекой Англии самое место в сумасшедшем доме. Того, что война отняла у него не только сына, но и рассудок. Психиатрическая клиника «Бельвью» находилась совсем недалеко оттуда, вверх по

реке. Может, стоит плыть туда? Вот что могли спросить эти газетчики. И дело было не только в том, что сэр Артур якобы общался с духами мертвых. Теперь он еще и доказывал существование фей. Он поставил на кон собственную репутацию, поручившись за подлинность фотографии, сделанной одной девочкой-подростком в Коттингли, графстве Йоркшир. На фотографии были запечатлены крылатые феи, танцующие перед девочкой. «Неужели Шерлок Холмс сошел с ума?» – этим вопросом задавались многие. Однако же его прямые и серьезные высказывания часто обезоруживали зубоскалов. Мало кто ставил под сомнение его силу духа. «Артур – необычайно крупный мужчина, широкоплечий, ростом за метр восемьдесят. Его каштановые волосы поредели, но в них нет и следа седины. Прямая спина, могучие мышцы – никакой дряблости или слабости». Итак, Дойл вовсе не напоминал человека, страдающего старческим слабоумием и потому ставшего легкой добычей шарлатанов.

Сэр Артур остановился в дверном проеме, ведущем на верхнюю палубу: из-за сквозняка тут хоть как-то можно было мириться с вонью магниевых вспышек. Он предложил журналистам задавать вопросы. Его спросили, чего он хочет добиться на этих берегах. «Пошатнуть американский скептицизм. Убедить как церковных лиц, так и светских». В этот момент его дети завизжали от восторга – они увидели статую Свободы. Тем временем Дойл говорил, что спиритуализм нанесет «сокрушительный удар по материализму». «Но есть ли в Стране лета виски и сигары? Можно ли там поиграть в мини-гольф? И как там насчет взаимоотношений полов?» В ответ сэр Артур искренне рассмеялся – возможно, это и спасло его речь. Дойл не знал, почему в объемной – на четыреста страниц – книге сэра Оливера о его общении с Раймондом некоторых американцев больше всего заинтересовало краткое описание усад загробного мира. Раймонд лишь упомянул, что в Стране лета были астральные копии всего, что есть в нашем мире. Сэр Артур сказал газетчикам, что, хотя некоторые высмеивают спиритуализм, это единственная религия, располагающая доказательствами существования мира иного.

– И мне известно об этом не понаслышке. Я говорил с духами двадцати моих умерших близких, видел их, включая моего сына. И все это – в присутствии моей жены и других свидетелей, – заявил сэр Артур.

– Вы привезли с собой какие-то доказательства вашей правоты? – настаивали журналисты.

– Приходите на мое выступление, – ответил он. Наконец кто-то из газетчиков спросил, что Дойл собирается сделать в Нью-Йорке в первую очередь.

– Отправлюсь взглянуть на Бродвей, – не раздумывая, сказал сэр Артур. Он знал, что огни там горят еще ярче, чем прежде.

В апреле на Бродвее состоялась премьера фильма великого Гудини: он выступил продюсером фильма и сыграл в нем главную роль. Сразу после показа фильма «Человек извне» в кинотеатре на Таймс-сквер Гудини давал на сцене представление, посвященное сверхъестественному. Он словно говорил: «Если вас интересуют духи, приходите посмотреть мой фильм!» В рекламном буклете говорилось: «Любая публика воспримет этот фильм как доказательство того, что наши близкие, ушедшие в мир иной, не утрачены навсегда».

Чета Дойл тоже отправилась посмотреть «Человека извне». Фильм начинался с кадра, запечатлевшего страницу Библии с выделенной цитатой из Евангелия от Иоанна, стих 5:28: «Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия»^[17]. По сюжету «Человека извне» мертвый воскресает: Гудини играет исследователя из арктической экспедиции, сто лет пролежавшего замороженным во льду на затерянном корабле. Исследователь воскресает, возвращается в Нью-Йорк и на свадьбе встречает молодую девушку, невесту, которую он считает реинкарнацией своей возлюбленной. Герой пытается расстроить свадьбу и вернуть свою любовь, но ему приходится преодолеть множество препятствий. Вначале он вынужден бежать из психиатрической клиники, куда его поместил жених – зловещий доктор, подвергавший его в клинике пыткам. После этого, выдержав не одно испытание, герой Гудини в конце фильма спасает возлюбленную, очутившуюся в лодке на вершине Ниагарского водопада. Этот трюк Гудини действительно исполнил – над водопадом натянули незаметный на пленке стальной трос. Весь фильм строится на том, что арктического исследователя и его реинкарнированную возлюбленную соединяет некая астральная связь. В «Человеке извне» Гудини неожиданным образом воздал должное и сэру Артуру: фильм завершается тем, что герой Гудини читает отрывок из «Жизненно важного послания» – последней книги Дойла о «развитии и бессмертии души». «Человек извне» был попыткой Гудини объединить свои зрелищные трюки и спиритуализм сэра Артура. В еженедельнике «Вэрайети» писали: «Эти две вещи не объединить». Конан Дойл же счел фильм «великолепным, лучшим из лучших».

После завершения фильма оркестр заиграл марш Эдуарда Элгара и на сцене с помпой появился Гудини. Карты исчезали в его руках... и появлялись в разных местах зрительного зала. Он проглотил пригоршню иголок... и затем извлек их изо рта с уже продетой в них ниткой. Он воскликнул: «Прощай, осень!» – и его ассистентка растворилась в воздухе. Затем Гудини продемонстрировал зрителям пустую чашу... и принялся доставать из нее полосы яркого шелка и огромные флаги разных народов. Он выстрелил из пистолета, крикнул: «Здравствуй, лето!» – и девушка опять материализовалась на сцене. Он высвободился из смиренной рубашки, как делал это в фильме. И наконец, в финале представления он вывел на сцену Фанни – живую слоницу, которую позаимствовал в цирке братьев Ринглинг... и заставил ее исчезнуть. Сэру Артуру и несколькими другим почетным гостям представления предложили подняться на сцену.

– Фанни! – позвал Конан Дойл.

Но слоницу никто так и не смог отыскать.

Хотя Дойл приехал в Америку отнюдь не для развлечения публики, его выступления в Нью-Йорке пользовались даже большей популярностью, чем шоу Гудини. На первые три его лекции в Карнеги-холле собралось небывалое количество зрителей: заняты были не только

сидения, люди стояли в проходах и у стен, их набилось столько, насколько позволяли правила пожарной безопасности. Многие женщины приходили на выступления Дойла в трауре или с золотой звездой, приколотой к одежде^[18]. На первом выступлении рядом со сценой сидел и Гудини, и Дойлу подумалось тогда, что у его друга ярко-голубые глаза истинного медиума и орлиный нос.

В двубортном синем костюме и очках в золоченой оправе сэр Артур выглядел солидно и внушительно. Он прочно стоял ногами на земле, но мысли его были устремлены к миру иному – миру призраков и фей. Его раскатистый шотландский акцент разносился по залу: писатель рассказывал о том, как чудеса, описанные в «Новом Завете», отвратили его от церкви еще в его бытность студентом медицинского факультета. Но теперь не менее удивительные чудеса вернут скептиков к религии. С улыбкой он напомнил зрителям, что ему кое-что известно о том, как детектив разгадывает загадки. И для него расследование завершилось.

С дрожью в голосе он поведал о появлении своей покойной матери на спиритическом сеансе в Лондоне. «Неужели вы думаете, что кто-то может не узнать лицо собственной матери? Я мог бы поклясться всем, что свято для меня на земле, что я смотрел ей прямо в глаза». Джин Дойл, бывшая свидетелем того знаменательного мига, сидела на сцене рядом с мужем. Он попросил ее подтвердить истинность его слов, и та заверила зрителей, что так все и было. Нужны еще доказательства? Дойл рассказал публике о Кингсли. О его смерти. Об их воссоединении. Он знал голос своего сына. Он умел отличать факты от иллюзии. И он утверждал, что может представить и более материальные доказательства. По словам Дойла, в Англии были медиумы, наделенные даром астральной фотографии. Они могли запечатлеть на снимках мир, который видят только экстрасенсы. Вот оно, доказательство того, что мертвые среди нас, мыслящие и небезучастные!

Внезапно свет погас и началась демонстрация фотографий. На первой был запечатлен призрак женщины, державшей в руке зажженную свечу – якобы этот призрак прошел по комнате в полночь. «Полумрак в зале, жутковатая атмосфера, пугающие снимки и потрясающая искренность сэра Артура, рассказывавшего о существах на этих фотографиях, произвели на зрителей неизгладимое впечатление», – писали в «Геральд». Гудини казалось, что он участвует в спиритическом сеансе на 3500 человек. В зале царил гробовая тишина, только слышалось поскрипывание досок сцены да дыхание Бесс, сидевшей рядом с мужем. Гарри бросило в дрожь, когда на экране один за другим появлялись призраки мертвых мальчиков. На одном из снимков были запечатлены призрачные очертания Кингсли: он ласково улыбался отцу. Когда показали следующую фотографию, несколько человек в зале громко охнули. «На кушетке сидела госпожа Лодж, рядом с ней – миссис Леонард, медиум. И между головами этих двух женщин – призрачные, точно сотканые из тонких нитей, но четко различимые во всех физиогномических подробностях черты мертвого Раймонда». Следующий снимок – чопорная дама сидит в кресле, а рядом парит призрак ее сына. В голове призрака виднеется пулевое ранение, из раны течет кровь.

– Именно так юноша погиб в битве при Ипре, – торжественно заявил сэр Артур.

Гудини подумалось, что такое явление призрака стало слабым утешением для матери погибшего. Впрочем, больше всего его заинтересовала фотография медиума Евы К. Какие-то светящиеся нити тянулись от ее тела к столику, который медиум поднимала с их помощью во время одного из удивительных сеансов. Сэр Артур объяснил зрителям, что эти нити – из ее эктоплазмы. Это вещество таяло, как «снег на солнце», но в затвердевшем состоянии было

необычайно прочным. Дойл заявил, что шесть мужчин не смогли опустить тот столик. Глаза Гудини блеснули, но иллюзионист ничего не сказал. Во время спиритических сеансов с Евой К. он ни разу не видел, чтобы она левитировала стол. И ни разу не видел других проявлений потустороннего, отраженных на этих снимках.

Последней фотографией в этой демонстрации был «снимок женщины в трансе, окруженной шестью людьми. Люди казались потрясенными. И неспроста. Из тела медиума восстало светящееся существо; оно, извиваясь, поднималось над ее плечом, как вьется дым над зажженной сигаретой. Существо начало принимать человеческие черты: вскоре показались ноги и тело красивой женщины, затем голова и плечи, пышные распущенные волосы. То была не проекция киноплетки, но если всматриваться в эти дымчатые очертания, то они напоминали кинофильм».

– Вы увидели изображение ангела, – провозгласил сэр Артур. – Вот что это было. Ангел!

Этими фотографиями, запечатлевшими призраков мертвых мальчиков, вьющихся вокруг живых людей, сэр Артур пробудил в обществе интерес к астральным снимкам. На следующий день журналисты «Геральд» взяли интервью у доктора Уолтера Принса, самого уважаемого американского исследователя паранормальных явлений, и спросили его, что он думает об этом феномене. Принса они застали в отеле «Пенсильвания» на чаепитии, организованном Оперным клубом Америки. Программа мероприятия включала музыкальные выступления, дискуссии о психоанализе, изучении человеческой ауры и спиритуализме – и чай с ромовым кексом.

Откладывая себе на тарелку пару кусочков кекса, доктор Принс сообщил журналистам, что большинство снимков, показанных сэром Артуром, были сделаны Уильямом Хоупом. По словам Принса, Хоуп отказался предоставить фотографии для научного изучения, и поэтому доктор сомневался в их подлинности. Второй причиной его недоверия к Хоупу был тот факт, что этот фотограф сам был профессиональным медиумом. Принс полагал, что эффекты, проявившиеся на снимках – результат какого-то мошенничества, наложения кадров или гипнотического внушения. Тем не менее доктор Принс четко заявил свою позицию касательно Конан Дойла: он «глубоко уважает сэра Артура за альтруизм и искреннюю веру в спиритуализм».

Но не все так относились к английскому миссионеру. Мэр Нью-Йорка Джон Гилан в своем нелюбимом для Дойла выступлении обвинил писателя в попытке мошенничеством заработать деньги. «Судя по всем имеющимся у меня данным, – сказал мэр, – деньги текут к нему рекой и достаются ему столь же просто, как удавалось выпутываться из материальных затруднений выдуманному им сыщику». «Англичанам удалось втянуть нас в ужасную войну, а теперь Дойл прибыл в Америку с “Новым откровением”, призывая на поле боя за умы американцев каждого, самого затрапезного медиума в стране», – предупреждали критики.

Поскольку Гудини сам когда-то выступал со спиритическими сеансами, он знал, как действуют мошенники. В интервью «Таймс» он рассказал, как самозванный медиум может ввести клиентов в самогипноз, как может определить по выражениям их лиц, что он говорит правильные слова, которые соответствуют возможному посланию из мира духов. Еще он сказал, что некоторые ясновидящие, даже действуя сугубо интуитивно, могут «принимать телепатические волны от сознания собеседника» и так создавать впечатление, будто они говорят с мертвыми или пророчат будущее живым. И Гудини настаивал, что, даже если существуют настоящие экстрасенсы, они настраиваются на партнера по спиритическому

сеансу, а не на умершего.

В том же интервью он заявил, что еще не повстречал настоящего некроманта.

Когда Говард Терстон – великий Терстон – поднимал свою ассистентку в воздух и при этом ничто не поддерживало ее, когда Гудини выбирался из камеры смертников, откуда еще никому не удавалось сбежать, или не тонул в воде – то была, по словам самих этих иллюзионистов, не настоящая магия. Общество американских фокусников, в котором Гудини был председателем, позиционировало себя как глас разума на фоне «возрождения средневековых суеверий». Это общество подвергало остракизму любого фокусника или иллюзиониста, утверждавшего, что он обладает некими сверхъестественными способностями. Современная наука иллюзий была «естественным врагом спиритуализма и оккультизма». Гудини ставил перед собой задачу – разоблачать самозваных повелительниц тьмы, наживавшихся на горе тех, кто потерял близких.

И тем не менее он часто проводил время с Дойлами, сидел на спиритических сеансах с любимыми медиумами сэра Артура и даже использовал оккультную тематику в своем новом фильме. Быть может, Гудини начал проникаться учением спиритуализма?

Однажды после одного из выступлений сэра Артура Гудини шел вместе с миссис Дойл по боковому коридору Карнеги-холла к гримерке ее мужа. Путь им преградила запертая дверь. Леди Дойл уже повернулась, собираясь уходить, когда Гарри протянул руку и «снял висячий замок, как иной снимает сливу с дерева». Он сделал магический пасс – и замок упал к нему в ладонь, будто под действием магнита. Жена сэра Артура пришла в восторг от этого фокуса. В другой раз во время поездки в такси Гудини показал Дойлам другой трюк – он словно бы оторвал палец от руки, как если бы какая-то невидимая сила его ампутировала. Фокус был настолько реалистичным, что Джин Дойл чуть не потеряла сознание. После этого иллюзионист задумался: как эта супружеская пара сможет преуспеть в поиске подлинных медиумов в Америке, если их так легко впечатлить обычной ловкостью рук? Когда они приехали к Гудини домой, в западную часть Гарлема, Гарри дал сэру Артуру книгу об Айре Дейвенпорте – одном из знаменитых братьев Дейвенпорт, иллюзионистов девятнадцатого века, чьи выступления объединяли спиритизм и фокусы.

В отличие от братьев Дейвенпорт, Гудини ставил перед собой другие цели. Его высвобождение из смиренной рубашки в кинотеатре на Таймс-сквер не требовало приглушенного света, ширмы или занавеси, чтобы скрыть его действия. Он дарил публике более грубое зрелище, позволяя им увидеть мучительную, судорожную борьбу. В его шоу не было попыток продемонстрировать обуздание каких-то паранормальных сил. В отличие от других фокусников, Гудини объяснил, на чем основывается его трюк, и подражатели попытались сравниться с ним в мастерстве. Тогда, во время войны, он повторил этот трюк в куда более мазохистской стилизации – выбрался из смиренной рубашки, когда его подвесили вниз головой на карнизе небоскреба. «Попробуйте-ка превзойти вот это!» – словно говорил он конкурентам.

«Жизненный путь “мастера побега” не устлан лепестками роз», – говорил Гудини. Однажды, высвобождаясь из смиренной рубашки, он серьезно повредил почку. В другой раз, когда он висел на веревке вверх ногами, порывом ветра его ударило о наружный подоконник, и иллюзионист сильно рассек лоб. Но самая серьезная проблема возникла в Окленде, штат Калифорния: веревки, на которых Гудини болтался на подъемном кране, запутались, и фокусника не смогли спустить на землю. Он провисел так почти двадцать минут, и все это время к его голове приливалась кровь. К счастью, мойщик окон из соседнего

здания бросил ему связку тряпок – как бросают спасательный круг утопающему – и Гудини сумел взобраться по ней в окно. Этот конфуз был запечатлен на фотопленке, поскольку Гудини предлагал в каждом городе, куда приезжал презентовать новый фильм, награду за лучшую съемку его высвобождения из смиренной рубашки в воздухе. Газеты, выступавшие в роли жюри на этом конкурсе, получали сотни фотографий Гудини, извивающегося в воздухе. И ни на одном снимке не было духов.

Спиритический сеанс на берегу моря

В июне Дойл столкнулся со своими самыми суровыми критиками: Гудини пригласил его на ежегодное собрание Общества американских фокусников в качестве почетного гостя. Покуривая «Лаймхаус», любимый сорт сигар, сэр Артур довольно улыбался, наслаждаясь искусством американских иллюзионистов. Когда Гудини пригласил его на сцену, зрители ожидали пламенных призывов к общению с мертвыми или демонстрации фотографий с призраками. Но Дойл показал им киноленту с чудовищными созданиями. То были динозавры – они ели, играли, спаривались, дрались друг с другом, орудуя кошмарными рогами и зубами, сбивая противника с ног могучими хвостами. Никто и никогда не видел на киноэкране ничего подобного. Многие фокусники подумали, что они смотрят настоящую съемку чудовищ из другого измерения. «Чудища из древнего мира или мира нового, открытого Дойлом в астрале, выглядели потрясающе реалистично. Если это подделка, то речь идет о подлинном шедевре», – восхищенно писал журналист «Таймс».

– Как вы это сделали? – спросил Гудини.

На следующий день сэр Артур написал ему, что эти чудовища – порождения «чистого кинематографа, выполненные с непревзойденным мастерством». Эти кадры использовались в фильме «Затерянный мир», снятом по его одноименной книге. Он показал эти кадры на собрании, не дав никаких объяснений, «просто чтобы порадовать безобидной мистификацией тех, кто так часто – и так успешно – мистифицирует других».

Дружба сэра Артура и Гудини достигла апогея вскоре после приема в Обществе американских фокусников. Дойлы уже собирались плыть домой и пригласили Гудини с Бесс провести с ними выходные в Атлантик-Сити. Прибыв на курорт, Гудини нашел семейство Дойл возле гостиничного бассейна. Там он научил сыновей сэра Артура прыгать в воду с трамплина и плавать на спине. Он показал им, как может удивительно долго оставаться под водой: секрет этого трюка состоял в том, что перед погружением он делал несколько глубоких вдохов. Как и остальным людям, ему нужно было дышать, чтобы жить.

Чуть позже они присоединились к Бесс и Джин на берегу океана. Пока дети играли в мяч и ныряли, Гудини наблюдал за своими друзьями-спиритуалистами. Сэр Артур был человеком удивительно жизнерадостным – после Эватимы Тардо Гарри таких не встречал. Леди Дойл как-то говорила Гудини, что сэр Артур ни разу в жизни не повысил голос ни на нее, ни на детей. Семья почти ежедневно общалась с духами, но Гудини чувствовал себя легко и непринужденно в их обществе. Даже дети Дойла сказали ему, что не боятся умирать. Они говорили о своем мертвом брате Кингсли, отправившемся в Страну лета, будто это место было просто еще одним государством на земле. Тем вечером Гудини был очень растроган, когда один из мальчиков подбежал к матери и сказал, что соскучился и хочет ее поцеловать. Малыш чмокнул мать в губы, а потом поцеловал каждый пальчик на ее руке. Вне стен своего дома Гарри никогда не приходилось видеть столь нежного проявления сыновней любви.

Следующий день в Атлантик-Сити был непростым для иллюзиониста – то был день рождения его матери, и потому Гарри думал об утрате, ставшей причиной его интереса к спиритизму. Одиннадцать лет назад после выступления в Копенгагене он отправился на праздничный прием и там получил телеграмму с известием, от которого до сих пор не оправился. Его мать перенесла тяжелый инсульт, и брат Леопольд, сам врач по образованию,

писал, что надежды на ее выздоровление нет. Прочитав телеграмму, великий Гудини потерял сознание перед собравшимися журналистами и двумя принцами Нидерландов. Придя в себя, он разрыдался, не скрывая своих чувств, и едва смог уйти с приема: ноги его подгибались, и пришлось опираться о руки жены.

В нарушение иудейских традиций Гудини уговорил своих родственников не хоронить Сесилию до его возвращения из Европы. Купив ей пару тапочек из шерсти (за несколько недель до смерти матери Гарри обещал ей привезти этот подарок), он отправился обратно в Америку, чтобы попрощаться. Вернувшись, он всю ночь просидел в гостиной у ее тела. На следующее утро Вайсы похоронили Сесилию рядом с Меером Шамуэлем на кладбище Сайпресс-Хиллс в Квинсе. В гроб положили шерстяные тапочки. Родители Гарри воссоединились в потустороннем мире – и Гудини хотел найти их.

Сидя на пляже в Атлантик-Сити, Гарри залюбовался Бесс – в купальнике из тафты она выглядела совсем юной. Женщина помахала рукой сэру Артуру, шедшему к ним по берегу. Дойл сообщил чете Гудини радостную весть: Джин, практиковавшая эпистолярную форму медиумизма, то есть автоматическое письмо, почувствовала, что сегодня с ней попытается связаться мать Гарри. Гудини с благодарностью принял приглашение Дойлов поучаствовать в спиритическом сеансе. Ни сэр Артур, ни Джин не могли знать, что сегодня у его матери день рождения. И впервые в жизни Гарри предстояло сидеть на спиритическом сеансе с медиумом, которому он доверял. Сэр Артур, извинившись, попросил Бесс не участвовать в этом: по его словам, присутствие «двух участников с одинаковыми ожиданиями от сеанса – хоть положительными, хоть отрицательными» – может повлиять на результат.

– Ничего, идите, – ответила Бесс. – Оставляю Гудини на ваше попечение.

И оба мужчины – Гудини в мятом белом костюме, Дойл в отутюженном темном – вернулись в гостиницу. Бесс осталась ждать результатов эксперимента. Она закрыла глаза и попыталась задремать: Джин Дойл как-то сказала ей, что во сне живым легче общаться с духами. Бесс часто слышала по ночам, как ее муж вскидывается ото сна с криком: «Мама, ты здесь?»

Может быть, сегодня днем она навестит его.

Джин ждала мужа и Гарри в гостиничном номере, уже готовая начать сеанс. Гудини сел за стол, а сэр Артур задернул занавески и разложил на столе бумагу и карандаши. Затем начался сокровенный ритуал. Сэр Артур склонил голову и произнес молитву. Он нежно опустил ладони на руки жены, чтобы поделиться с ней своей силой. Гудини зажмурился, вслушиваясь в шум прибоа. Тут ему не нужно было оставаться настороже, опасаясь мошенничества. Еще никогда он не чувствовал себя на сеансе так спокойно. Приглушив глас сомнения, он попытался всем сердцем принять веру Дойлов. Особенно его восхищали их представления об астральном теле. Гудини часто осознавал какую-то смутную силу, направляющую его, будто сознание двигалось отдельно от тела, чуть опережая его. В тот момент у него возникло такое же ощущение – ощущение полета. «Если я действительно наделен астральным телом или душой, то душа моя вышла из тела настолько, насколько это возможно для живых, – писал он об этом чувстве. – Душа ждала какого-то знака, вибраций, ощущения, что моя дорогая мамочка рядом».

И вскоре Джин ощутила присутствие духа. Ее рука затрепетала, и женщина потрясенно сказала, что еще никогда ею не управлял столь сильный дух. Она три раза стукнула по столу, подавая знак, что этим духом была мать Гудини. Затем Джин взяла карандаш и принялась записывать послание Сесилии в блокноте. Сэр Артур вырвал лист и передал его Гудини. «Ох,

дорогой мой, слава богу, слава богу, я наконец-то связалась с тобой», – начиналось послание. Гудини, побледнев, читал – по словам Дойла, его друг был «потрясен до глубины души». Дойлы тоже испытали эмоциональное потрясение: они знали, сколь многое значит для их друга это воссоединение. «Я всегда читаю мысли моего любимого сыночка, дорогого моего сыночка».

Вот оно, доказательство!

Пять дней спустя, уже в Нью-Йорке, Гудини сказал сэру Артуру, что он «сам не свой от счастья» после того сеанса. Сэр Артур понимал его чувства. Испытать настоящий контакт с духом – все равно что заново родиться. Дойл спросил, изменили ли события в Атлантик-Сити отношение Гудини к его собственным паранормальным способностям, потому что на том спиритическом сеансе произошло кое-что еще, поразившее Дойлов.

Джин исписала пятнадцать листов, передавая послания от матери Гарри, и Гудини подтвердил, что каждое слово могло бы принадлежать Сесилии – так эти страницы напоминали драгоценные письма, которые мать посылала ему, когда он отправлялся на гастроли. Но Гудини хотел большего. Когда сэр Артур уже думал, что сеанс в Атлантик-Сити завершен, Гудини взял карандаш и сам попробовал использовать автоматическое письмо.

Его рука тут же вывела слово «Пауэлл».

– О господи! – воскликнул сэр Артур.

Его друг, спиритуалист Эллис Пауэлл умер на прошлой неделе. Гудини, по его собственным словам, никогда не слышал об этом джентльмене и, конечно же, не знал о его смерти. Гарри предположил, что думал о другом Пауэлле – иллюзионисте, который в последнее время болел.

Он заключил, что это странное совпадение.

Но теперь, в гостиной особняка Гудини, сэр Артур заявил, что его не устраивает подобное объяснение того, почему Гарри написал имя «Пауэлл». Неужели он по-прежнему отказывается признавать свой дар?

Гудини с сомнением улыбнулся. Мертвые не говорили с ним, но он всегда подозревал, что какая-то невидимая сила хранит его.

Он признал, что перед выполнением опасных трюков прислушивается к внутренним ощущениям, подсказывающим, когда подпрыгивать, а когда пригибаться.

– Ты стоишь, сглатываешь слюну, как часто бывает, а потом будто слышишь чей-то голос – и прыгаешь, – объяснил он.

Гудини вспомнил, как когда-то решил действовать по собственной воле, не полагаясь на этого незримого хранителя, и чуть не сломал шею.

Дойл еще никогда не слышал, чтобы Гудини был настолько близок к признанию своих экстрасенсорных способностей. Сэр Артур полагал, что теперь его друг стал на правильный путь.

– Я привела вас, сэр Артур, к моему дорогому сыну, – сказал дух Сесилии. – Я чувствовала, что именно вы поможете нам воссоединиться, и я была права.

Тем вечером мистер и миссис Гудини праздновали двадцать восьмую годовщину свадьбы и по этому случаю пригласили Дойлов в театр-варьете «Пинуилл». Но куда бы они ни шли, всюду их преследовал свет софитов. Импресарио Раймонд Хичкок прервал выступление, прося Гудини «показать фокус». Иллюзионист отказывался, а зрители в зале уже начали скандировать его имя. Чтобы избежать конфуза, сэр Артур уговорил Гудини подняться на сцену. Публика требовала продемонстрировать трюк с иголками. Выступление

варьете прервалось. Актеры, ассистенты и музыканты собрались вокруг сцены, чтобы посмотреть номер Гудини. Иллюзионист проглотил пять упаковок иголок, а затем эффектно достал их изо рта уже связанными нитью. Зал взорвался аплодисментами, и Гудини почтительно поклонился своему английскому другу. Свет софитов сместился на сэра Артура.

На следующий день приключения Дойлов в Америке подошли к концу. После заключительного интервью, когда подарок Бронкского зоопарка – королевская змея – уже лежал в коробке, Дойлы собрались на палубе парохода «Адриатик», чтобы помахать рукой зевакам и журналистам на пристани. И когда прозвучал пароходный свисток и судно снялось с якоря, сэр Артур с удовлетворением подумал, что его миссия увенчалась успехом. Оптимизм и воодушевление Дойла нашли отклик в сердцах американцев, уставших от чопорности сухого закона и политической скуки. Хорас Грин, журналист «Таймс», писал, что лекции Дойла восприняли как «глоток свежего воздуха». Он полагал, что теперь нужно только одно – доказательство подлинности способностей хотя бы одного медиума, поскольку, «даже если во всем мире удастся подтвердить существование только одного-единственного человека, способного производить медиумическую материализацию», Рубикон будет перейден.

Но на тот момент сэру Артуру было достаточно того факта, что теперь его лекции посещают не только женщины из Американского объединения матерей Золотой звезды. Он завоевал расположение многих журналистов, хотя поначалу опасался, что они будут высмеивать его дело. Действительно, были те, кто злословил, не обошлось и без ошибок и конфузов, но в целом Дойл считал свой тур успешным. В Нью-Йорке он собирал полные залы; распространил свое учение, выступая в городах от Восточного побережья до Среднего Запада; проверил многих американских медиумов и надеялся, что сумел найти новых последователей спиритуализма – а главное, его друг-иллюзионист после событий в Атлантик-Сити приблизился к принятию новой религии. И Дойлу было очень приятно, что его друг пришел попрощаться. Гудини стоял на пристани и махал сэру Артуру.

«В те дни жизнь уподобилась состязанию в беге из “Алисы в Стране чудес”: какое бы место ты ни занял, приз все равно был тебе обеспечен»^[19], – писал Ф. Скотт Фицджеральд. И не важно, за что обещали приз в соревновании – за ум, отвагу или ловкость. Была установлена награда за победу в состязании в трансатлантических перелетах – и вскоре, казалось, каждый пилот, начиная от бывших военных летчиков и заканчивая пилотами почтовых самолетов, устремился к берегам Европы. Авиаторы и их летательные аппараты не сходили с первых полос газет. Журнал Орсона Дезе Мунна «В мире науки» спонсировал это состязание. Но публика жаждала зрелищ в духе карнавала, и эту жажду утоляла бульварная пресса. Появились награды за выносливость – и стали популярны танцевальные марафоны, на которых американцы теряли сознание, сжимая партнера по танцу в объятиях. Моралисты били тревогу: мол, страна катится в преисподнюю. Появились конкурсы красоты – и прелестницы в плотных купальных костюмах украсили ротогравюрные страницы газет Уильяма Рэндольфа Херста.

В своем кабинете в небоскребе Вулворт в Нью-Йорке Орсон Мунн занимался куда более респектабельным изданием и не хотел иметь ничего общего со всей этой безвкусицей. Впрочем, он нисколько не оскорбился, когда в Америке был проведен первый национальный конкурс красоты, на котором девушки-подростки дефилировали перед конферансье, выступавшим под псевдонимом Царь Нептун, в окружении переодетых нубийскими рабами ассистентов. На променаде в Атлантик-Сити собралась толпа зрителей в сто тысяч человек: они пришли поглазеть на коронацию первой Мисс Америка – лучащейся от счастья шестнадцатилетней девушки из Вашингтона. Увидев лицо красавицы в газете, Мунн подумал, что она очень похожа на актрису Мэри Пикфорд, с которой он познакомился на одном театральном бенефисе еще во время войны. Нью-Йоркский светский лев, он часто посещал приемы. Его работа предполагала обсуждение и изучение таких вопросов, как радиоволны Маркони, огневая мощь новейшего линкора и двенадцатицилиндровый двигатель автомобиля. Но в то же время Мунн любил румбу и проводил вечера в клубах в центре города. Высокий, худощавый, уже седой, он был в центре внимания как в научных, так и светских кругах. Его друзьями были Томас Эдисон и Гарри Гудини, и он говорил на языке обоих их миров.

Призы вручались и за выигрыш в научных конкурсах. Даже наиболее значимые новые открытия в физике показались не столь уж возвышенными, когда Джеймс Малкольм Берд, редактор журнала «В мире науки», в 1920 году обещал награду тому, кто сможет лучше всех объяснить стране открытие Альберта Эйнштейна и значение его теории. Не предполагалось, что этот конкурс станет столь значимым событием, но в связи с небывалым интересом людей к последним событиям в сфере науки конкурс Берда вызвал существенный резонанс. За победу обещали приз в размере пяти тысяч долларов – в те времена это была крупная сумма, куда больше, чем иные денежные награды за достижения в науке, за исключением разве что Нобелевской премии.

Два года спустя Берд заинтересовался одним из наиболее скандальных направлений науки – исследованием паранормальных явлений. Когда-то Берд преподавал математику в Колумбийском университете и славился своим критическим восприятием реальности. Худощавый, с орлиным носом, внешне он напоминал Шерлока Холмса, особенно когда

надевал кэпи. Но он походил на знаменитого сыщика не только внешне. У него был очень острый ум. От его внимания не укрылся общественный резонанс, вызванный лекциями двух англичан – Лоджа и Дойла. Удивительный парадокс: во времена технологического прорыва людей так интересовали призраки. «В атмосфере Америки больше электричества, чем в любой другой стране, и потому тут так много духов», – провозгласил сэр Артур в Вашингтоне. Он утверждал, что электрическое поле приманивает призраков.

Обещали награду и за духов. Друг Гудини Джозеф Ринн, богатый импресарио иллюзионистов и разоблачитель медиумов, предлагал выплатить крупную сумму наличными, если сэр Оливер Лодж в его присутствии сможет призвать дух Раймонда или какого-то иного призрака. Некоторое время спустя он бросил такой же вызов сэру Артуру Конан Дойлу. Но увлеченные оккультизмом аристократы не собирались участвовать в каких-то унижительных состязаниях. Они заявили, что духов звонкой монетой не призовешь. Автор передовицы в «Бостон Глоуб» поддержал Дойла и Лоджа: «Если существует мир духов, с которым могут вступить в контакт жители Земли, то дверь в тот мир не открыть золотым ключом по той простой причине, что не та это дверь». Но Орсон Мунн не был согласен с этой точкой зрения. Он был уверен, что в современном мире золотой ключ подойдет к любой двери.

Сэр Артур в своих поисках стремился к бессмертию, а не к денежной выгоде. Не отвлекаясь на несерьезные конкурсы, он собирал полные залы в Нью-Йорке: семь его выступлений прошли с аншлагами, побив рекорд сэра Оливера в шесть выступлений. Он пылко проповедовал свои убеждения.

– За свои лекции я не беру ни шиллинга, чтобы меня не обвиняли в материальной заинтересованности, – заявил Дойл толпе в три тысячи человек, собравшихся послушать его в Дейтоне, штат Огайо. – Подходите к этому как к религии или оставьте спиритуализм в покое.

Хотя все меньше людей посещали церкви, взлет спиритуализма, вызванный сэром Артуром, породил волну религиозного фундаментализма в Америке: перед людьми встал выбор между христианским раем и Страной лета. Ведущей христианской проповедницей того времени была Эйми Сэмпл Макферсон, «сестра Эйми», хрупкая темноволосая женщина, колесившая на своем паккарде – «машине для богослужений» – по районам на юге и среднем западе США, так называемому «библейскому поясу», с проповедями о вреде танцполов и оккультизма. Она сбрасывала листовки со Словом Христовым с борта самолета, пролетая над общинами, где уже прочитала проповедь.

Обещали награду и за религию. Кинопродюсер Сесил Де Милль провел опрос зрителей, входивших в кинотеатры: «Какой фильм вам бы хотелось посмотреть?» В интервью «Лос-Анджелес Таймс» Де Милль пообещал крупную сумму в награду за «лучшую идею» киноадаптации. Страна сходила с ума от фильмов, конкурсов и автомобилей. После проведения общенационального конкурса на лучшую киноидею Де Милль понял, что многих еще интересуется Священное Писание. Он незамедлительно взялся за воплощение идеи, которая заняла на конкурсе первое место: так Де Милль приступил к съемкам фильма «Десять заповедей». В нем он собирался показать, как расступилось перед Моисеем Красное море – Де Милль считал это удивительнейшим событием в истории.

Тем временем в Нью-Йорке Орсон Мунн еще помнил те дни, когда в небеса взметались церковные шпили, а не небоскребы офисных зданий. Своими башенками и готическими элементами архитектуры Вулворт напоминал ему огромный собор. Да, то был храм промышленности и торговли, и журналисты, занимавшие помещения издания «В мире

науки», нисколько не интересовались чудесами религии. В середине ноября 1922 года Мунн встретился с редакторами журнала, включая Малкольма Берда и Остина Лескарбура: они собрались в кабинете редактора, чтобы обсудить недавний вызов, брошенный сэром Артуром Конан Дойлом их журналу. Сэр Артур хотел, чтобы журнал «В мире науки» провел собственное исследование паранормальных феноменов. Поскольку медиумизм был очень противоречивой темой, требовалось мнение авторитетного научного издания.

Нельзя сказать, что Мунн и его журнал отказывались писать о сверхъестественных явлениях. Насколько было известно Дойлу, такие публикации не были редкостью: к тому времени практически в каждом выпуске была статья о том или ином паранормальном явлении. Но обычно в статьях описывалось само явление, например астральная фотография, и подавалось мнение двух экспертов, выражавших кардинально противоположные мнения. Мнение редакции «В мире науки» не афишировали. Сэр Артур намекал, что подобное бездействие неприемлемо – нельзя просто молча наблюдать за происходящим. «Ну же, джентльмены, – уговаривал он. – Вы ведь ничегошеньки не выясните, просто сидя в своих кабинетах в небоскребе, построенном Фрэнком Вулвортом на деньги от розничной продажи!» Дойл призывал «В мире науки» принять непосредственное участие в исследовании такого явления, как спиритические сеансы, и самим оценить проявления тех загадочных сил, которые не мог объяснить законами природы сэр Лодж, часто писавший статьи для журнала Мунна. Сэру Артуру не пришлось долго ждать ответа. «“В мире науки” принимает вызов!» – написал ему Лескарбура.

Сэр Артур даже не подозревал, какой отклик вызовет его письмо. Мунну и его коллегам казалось, что Дойл ставит под сомнение их репутацию беспристрастных исследователей. Они как раз планировали разоблачение доктора Альберта Абрамса, обманувшего столь многих во время популярности теорий о связи электрических полей и здоровья пациента. Берд и Лескарбура собирались написать статью о том, что знаменитый прибор «динамизатор», разработанный Абрамсом для медицинской диагностики, был столь же точным, как доска «уиджа». Талантливые сотрудники журнала считали своим долгом доводить до сведения публики, есть ли научные основания у тех или иных теорий, идущих вразрез с современными научными представлениями. «В мире науки» был не просто очередным журналом – по сути, это была организация, занимавшаяся выведением на чистую воду шарлатанов, позиционировавших себя как гениев. Кроме того, «В мире науки» пытался предугадать путь научного развития, иногда опережая свое время на полвека. В одном из первых выпусков, еще в 1845 году, журнал предсказал изобретение автомобиля. Когда идея аэроплана будоражила разве что умы писателей, журнал предрек появление этого средства передвижения. Работа предшественников Мунна обросла слухами и легендами. Когда общество Таммани-Холл высмеяло журнал за призывы к созданию подземной транспортной системы в Нью-Йорке, которая основывалась бы на идее железной дороги, «В мире науки» заказал постройку туннеля под Бродвеем. Так появилась пневматическая подземная железная дорога, по которой вагон перемещался благодаря пневмотяге. Пневмопуть стал популярным аттракционом, и журнал брал по двадцать пять центов с пассажира за поездку на этом удивительном транспорте. А главное – редакция доказала, что это возможно!

Как и его отец, бывший предыдущим владельцем журнала, Мунн был юристом-патентоведом. Почти семьдесят пять лет три поколения семьи руководили знаменитым патентным бюро, в котором было зарегистрировано почти двести тысяч новых идей и устройств. Много великих изобретателей входило в кабинет оформления патентов,

находившийся по соседству с редакцией: Сэмюэл Морзе с его телеграфом, Элиас Хоу с его швейной машинкой, Ричард Гатлинг с его картечью и Томас Эдисон, запатентовавший в бюро Мунна множество потрясающих изобретений. Именно фирма Мунна видела все эти устройства первыми. Его сотрудники считали своим долгом помочь американцам разобраться в новейших достижениях техники. А теперь им предлагали позабыть о технологическом прогрессе и соединить руки на спиритическом сеансе.

Малкольм Берд вспоминал, что на совещании, посвященном письму Дойла, именно Остин Лескарбура предложил провести соревнование, обещая денежную награду подлинному медиуму, если такого удастся найти. По условиям соревнования медиум должен был доказать существование своих сверхъестественных способностей авторитетной комиссии – выдающимся ученым и умнейшим исследователям паранормального. Лескарбура был инженером-электромехаником по образованию, и зрелищные представления были ему не по душе, он хотел, чтобы журнал провел серьезное научное испытание. Коллеги согласились, но они увидели в этой идее и возможность материальной выгоды. На зов Де Милля откликнулись тридцать пять тысяч участников соревнования. В прошлом конкурсы, объявленные «В мире науки», часто позволяли повысить продажи журнала. А Мунн в это время мечтал об увеличении тиража. Даже по меркам тех лет Орсон был человеком необычайно расточительным. Он занимал роскошный номер в гостинице «Уолдорф-Астория» и владел большим особняком в городе Саутгемптон неподалеку от Нью-Йорка. Однажды семейство Мунн собиралось ехать из Манхэттена в Лонг-Айленд, но опоздало на электричку. Орсон Мунн просто пошел в ближайший магазин автомобилей, приобрел роскошный выставочный автомобиль «Пирс-Эрроу» и с помпой прокатился по мосту Куинсборо. Но Мунн собирался разводиться со своей женой-актрисой: он ушел от нее к молоденькой танцовщице из Буффало. Вскоре ему предстояло выплачивать колоссальные алименты, поэтому финансовый вопрос всерьез его беспокоил. Впрочем, надежда на увеличение тиража была не единственной причиной проводить соревнование экстрасенсов. Компания Мунна во времена его деда и отца заработала славную репутацию, и Орсон надеялся оставить и свой след в истории фирмы благодаря предложенному расследованию. «Идея журнала “В мире науки”, – писал один журналист, – состоит в том, чтобы подтвердить или опровергнуть истинность всех верований спиритуалистов одним простым росчерком пера».

– На основании имеющихся данных, – сказал прессе Лескарбура, – мы не способны прийти к однозначному выводу касательно истинности заявлений экстрасенсов. В попытке прояснить этот вопрос и представить нашим читателям проверенную информацию из первых рук об этом потрясающем направлении исследований мы и проводим это соревнование.

Награда за победу в соревновании составляла пять тысяч долларов^[20]. Но «В мире науки» официально постановил, что соискатели премии должны доказать физические, а не ментальные проявления сверхъестественных способностей. «На данный момент нас не интересуют психологические проявления способностей, поскольку они хуже поддаются строгому научному анализу, на котором строится наше исследование, – писал Дойлу Лескарбура. – Кроме того, наша читательская аудитория больше интересуется физическими проявлениями». Другими словами, они не искали экстрасенса, который мог назвать имя любимой кошки, принадлежавшей ныне покойной тетушке человека, который пришел на спиритический сеанс. Журнал искал физических медиумов – экстрасенсов, которых иногда

называли некромантами. Такие экстрасенсы якобы могли выделять эктоплазму и при помощи духов заставлять предметы летать по комнате. Редакцию в первую очередь интересовали духи. В «Лос-Анджелес Таймс» писали: «Предлагается награда за пойманное привидение». Приз! Приз!

Охотники за привидениями

В канадской провинции Новая Шотландия, в графстве Антигониш, завелось привидение, наводившее ужас на местных жителей. Все началось с того, что призрак появился на ферме семейства Макдоналд, просто представ перед приемной дочерью хозяина фермы. Вначале пришелец из иного мира ничем не грозил жителям фермы, только слышались какие-то перестуки и звон колокольчиков. Затем стала пропадать одежда и мебель. Когда утром Макдоналды пришли в стойла, оказалось, что коров поменяли местами. Животные были напуганы, а шерсть на кончиках их хвостов – заплетена в косы. Вначале все обходилось мелкими шалостями, но вскоре обернулось сущим кошмаром. Там и сям вдруг загорался огонь странного синеватого оттенка. Кто-то убивал животных. На ферму прибыли люди, чьим хобби была охота за привидениями, но и они не смогли помочь. Увиденное так испугало их, что они убралась восвояси. Затем однажды вечером странный огонь вспыхнул в разных местах фермы: всего хозяева насчитали тридцать восемь очагов пожара. Семья Макдоналд была вынуждена покинуть ферму. На место прибыл журналист и местный следователь. По их словам, призрак бил их по лицу. Так ферма Макдоналдов, расположенная в двадцати двух милях от ближайшего небольшого городка, стала причиной новой вспышки интереса к оккультизму. Во многих газетах писали, что именно там, возможно, удастся обнаружить доказательство существования призраков, которое поставит науку в тупик.

За помощью обратились к профессионалам. Доктор Уолтер Франклин Принс из Американского общества психических исследований еще никогда не сталкивался со случаями так называемой одержимости, которую нельзя было бы объяснить законами природы. Принс решил отправиться в Канаду и проверить, сможет ли он при помощи своей команды разгадать эту загадку. «Группа ученых собирается проводить расследование, нарушая покой призрака Антигониша, чья слава растет с каждым его новым проявлением», – писали в «Таймс». Пятидесятидевятилетний охотник за привидениями, доктор Принс был человеком терпеливым и доброжелательным, любил цитировать Шерлока Холмса, хихикать над собственными шутками и рассказывать истории о других появлениях привидений в сельской глуши. Он расставил на ферме Макдоналда ловушки на тот случай, если в происходящем повинны люди, а вовсе не полтергейст. Вооружившись револьвером, фотокамерой и магниевой вспышкой, он просидел в гостиной дома всю ночь. Соседи ждали, что он в любой момент может выбежать в ужасе. Но ничего не произошло. Ночь была ветреная, дверь распахнуло сквозняком – вот и все. В последний день пребывания Принса на ферме дочь Макдоналдов Мэри Эллен спокойно уселась на крыльце, глядя котенка. Она сказала отцу, что призрак ушел. Но Принс обследовал следы возгораний, оставшиеся на стенах, и определил причину пожара. По его словам, Мэри Эллен была первопричиной всех напастей, а вовсе не медиумом. Она устраивала поджоги, пребывая в измененном состоянии сознания. Как так вышло, что призрак бил по лицу детектива и журналиста, Принс объяснить не мог, но полагал, что оба мужчины были настолько напуганы, что пощечины призрака им почудились, или же они, галлюцинируя, ударили друг друга. Многие были разочарованы демистификацией случая в Антигонише. Мэри Эллен, принцессу огня, отправили в психиатрическую клинику. И больше призраки в той канадской глуши не появлялись.

Едва ли кто-то подходил на роль судьи в соревновании экстрасенсов лучше, чем доктор

Принс. Прославившийся расследованием в Антигонише охотник за привидениями получил блестящее образование в Йельском университете и обладал глубокими познаниями в вопросах магии и психологии. Бывший пастор, он склонялся скорее к науке, чем к мистике. Выходец из семьи фермеров, проживавших в штате Мэн, в эту удивительнейшую эпоху чудес он оставался человеком решительным и невозмутимым. Получив от Малкольма Берда приглашение в комиссию журнала «В мире науки», он выразил как свой интерес, так и опасения по этому поводу. Ему не нравилась идея денежного вознаграждения – это же не танцевальный марафон, в конце концов!

«Я знал, что расследование, оплачиваемое журналом “В мире науки”, привлечет много внимания и может вызвать много порицания и взаимных упреков, – писал он. – Я не решался принять предложение Берда, пока не посоветуюсь с непосредственным начальством». Впрочем, вскоре Принс узнал, что человек, у которого он намеревался получить разрешение на участие в подготовке к соревнованию, президент Американского общества психических исследований Уильям Макдугалл, тоже должен был войти в комиссию «В мире науки». Макдугалл согласился присоединиться к Мунну, и теперь ничто не мешало Принсу последовать его примеру.

Американское общество психических исследований было подразделением Общества психических исследований, созданного в Великобритании. Доктор Уильям Макдугалл занимал пост президента в обоих отделениях – и американском, и британском. Кроме того, он считался одним из наиболее уважаемых американских психологов. Его предшественником в должности президента Американского общества психических исследований был Уильям Джеймс^[21], заведовавший кафедрой психологии в Гарвардском университете и открыто сожалевший о том, что понятие души вышло из моды. Старший брат знаменитого писателя Генри Джеймса, Уильям, считался ведущим интеллектуалом своего времени. Его интересовали исследования феномена спиритических сеансов, поскольку именно в них ему виделась возможность установить взаимосвязь сознания и души.

«Неужели столь презируемые спиритуалисты и Общество психических исследований приведут нас в новую эру веры? Было бы странно, если бы все оказалось именно так, но если не они, то кто еще справится с этой задачей?» – писал Джеймс за много лет до того. Отец-основатель американской психологии, он вдохновил – и до сих пор, даже после смерти, продолжает вдохновлять – многие поколения исследователей человеческой психики, интересующихся понятием души. Среди этих исследователей был и Макдугалл.

В отличие от работ Джеймса, в психологии в целом на то время был популярен механистический подход, поэтому трактат Макдугалла «Тело и сознание» вызвал немало разногласий, ведь в этом научном труде Макдугалл утверждал, что люди подчинены высшей воле. Шотландец по происхождению, Макдугалл всегда чувствовал себя чужим в Англии – и в Кэмбридже, где он учился, и в Оксфорде, где преподавал. В 1920 году он переехал в США, «страну романтических возможностей», и сменил Джеймса в его должности в Гарварде. Благодаря влиянию Джеймса, Гарвард всегда был наиболее терпимым университетом в Америке и Англии в том, что касалось исследования паранормальных явлений. Тем не менее доктор Макдугалл терпеть не мог всяческого мракобесия на спиритических сеансах и не боялся коснуться мнимого призрака, надеясь так разоблачить самозванца, набросившего белую кисею. Как и Принс, он редко встречал медиумов, в чьи способности мог бы поверить. Поэтому спиритуалисты были враждебно настроены по отношению к ним обоим.

В те времена велись споры о том, в рамках какой науки надлежит исследовать феномен

медиумизма – физики или психологии. Поскольку журнал «В мире науки» намеревался подвергнуть проверке физических медиумов, то им нужен был физик. Остин Лескарбура нашел хорошего кандидата – бывший профессор Массачусетского технологического института Дэниэл Фрост Комсток, уважаемый физик и инженер. Хотя он не был известен своими исследованиями паранормального, он, однако, состоял в Американском обществе психических исследований и был рьяным охотником за привидениями. Многие считали этого обаятельного красавца таким же светским львом, как и Мунна, только Комсток был остроумнее и моложе – на тот момент ему еще не исполнилось и сорока лет. В каком-то смысле он тоже объединял науку и развлечения: он изобрел техникolor, один из способов получения цветного кинематографического изображения, и основал одноименную компанию. Де Милль использовал эту революционную технологию Комстока в некоторых сценах своего фильма «Десять заповедей». Комсток же, со своей стороны, счел объявленное Бердом и Мунном соревнование потрясающей идеей. Он приветствовал попытки подтвердить подлинность медиумизма.

В комиссию также вошел писатель Хиурд Каррингтон. Доктор Каррингтон уже давно состоял в Обществе психических исследований: он пришел туда в 1990 году девятнадцатилетним юношей и остался исследователем-парапсихологом до конца жизни. Первый опыт разоблачений шарлатанов он приобрел в Лили Дейл – поселении оккультистов, ставшем популярным местом отдыха для тех, кто интересовался хиромантией и астрологией или мечтал услышать пару сентиментальных слов от умерших. В Лили Дейл он, притворяясь полуслепым простачком, обращался к медиумам, пользовавшимся грифельными дощечками для записи посланий умерших; к медиумам, якобы материализовавшим духов; к астральным фотографам... Да, там собрался целый паноптикум экстрасенсов, якобы проявлявших разнообразнейшие сверхъестественные способности. Он проверил их всех – и все оказались мошенниками. Его разоблачение методов обмана, которыми пользовались те самозваные экстрасенсы, вызвало столь бурный интерес в обществе, что в «Таймс» даже напечатали его отчет о проведенном расследовании. Подобными журналистскими расследованиями он и зарабатывал себе на жизнь.

Каррингтон был американцем, потомком англичан, и жил в Нью-Йорке, но долгое время провел в Европе и на Востоке. Он был человеком очаровательным, безукоризненно вежливым, но при этом скрытным. Он состоял в браке, но никто не видел его жену. Он защитил диссертацию в Оскалузском университете в штате Айова, но никто не слышал о его научной работе. На светских приемах, пока мужчины обсуждали, как недавно сыграл Тай Кобб или каковы перспективы Вашингтонского морского соглашения, Каррингтон, бывало, сидел с кем-то из их жен, внимательно слушая детали вещего сна, увиденного этой женщиной, когда ей было всего двенадцать лет. Некоторые считали его чудачком. Каррингтон был одним из первых, кто познакомил американцев с загадочной формой гимнастики под названием «йога». Он написал огромное количество книг не только о паранормальных явлениях, но и о диете и здоровом образе жизни. Каррингтон призывал американцев вернуться к «естественному для человека питанию» – сырым овощам и фруктам. Бледный, возвышенный, он и сам немного напоминал экстрасенса, но в юности он подрабатывал фокусником в варьете и знал все приемы и уловки, которыми медиумы пользовались на спиритических сеансах.

К 1922 году едва ли был в мире специалист по разоблачению медиумов, который по опыту превосходил бы Каррингтона. Он проверял способности знаменитой Эвсапии

Палладино – женщины грубой, резкой и некрасивой, но при этом якобы способной левитировать столы и выпускать струю холодного воздуха из невидимого третьего глаза на лбу. Много лет назад он побывал на спиритическом сеансе впечатляющего «трансового» медиума Леоноры Пайпер – именно она была одной из первых, кто убедил сэра Оливера Лоджа и Уильяма Джеймса в том, что общение с умершими возможно. Также Каррингтон присутствовал при жутковатых магических ритуалах «ужаснейшего человека в мире» – поэта и «черного мага» Алистера Кроули.

Итак, вскоре редакция «В мире науки» собрала пять членов комиссии: двух авторитетных ученых, двух профессиональных охотников за привидениями, а главное, Гарри Гудини – тот как раз заканчивал свою книгу «Иллюзионист среди духов»^[22], посвященную методам мошенничества медиумов. Гудини в этой комиссии было отведено особое место. Он утверждал, что Мунн пообещал согласовать с ним всех кандидатов. «Я должен знать каждого человека, которого вы отберете в жюри», – писал он Берду. Он никогда не слышал о Комстоке и Макдугалле и опасался, что, если жюри поддержит какого-то хитрого шарлатана, его собственная репутация искусного иллюзиониста окажется под угрозой. Гудини говорил коллегам, что для него на кон поставлено куда больше, чем награда в пять тысяч долларов, которую предлагал журнал. Он устроил Берду скандал за то, что тот позвал этих людей в жюри, не проконсультировавшись с ним. Также его возмущали заявления Принса о том, что «В мире науки» «...должен взять на себя полную ответственность за проведение соревнования». Гудини говорил журналистам, что конкурс «В мире науки» был изначально его идеей. На самом же деле соревнование придумал Остин Лескарбура, деньги на награду выделил Орсон Мунн, а организовал все Малкольм Берд. Берд был редактором журнала и обладал обширными познаниями в вопросах парапсихологии. Именно его Мунн назначил главным в проведении этого мероприятия, и на нем лежала задача выбора жюри. Удивительным образом Гудини сумел умерить свой гнев и согласился остаться в комиссии. В прессе писали, что это будет «величайшая в наши дни охота за привидениями». И Гудини, все мечтавший найти «белую ворону» (как говаривал Уильям Джеймс) – медиума с неоспоримо подлинными способностями, – хотел принять в этой охоте участие.

Часть IV. Саксофон и труба для спиритических сеансов

*Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо ...
земля извергнет мертвецов.*

Книга пророка Исаии [26:19]

Это был век чудес^[23].

Ф. Скотт Фицджеральд

Малкольм Берд, организатор соревнования экстрасенсов

Объявляется

награда 5000\$ за экстрасенсорные способности

Желая внести свой вклад в исследование паранормальных явлений, журнал «В мире науки» обязуется выплатить 5000\$ за подтвержденное проявление экстрасенсорных способностей.

На основании имеющихся данных мы не способны прийти к однозначному выводу касательно истинности заявлений экстрасенсов. В попытке прояснить этот вопрос и представить нашим читателям проверенную информацию из первых рук об этом потрясающем направлении исследований мы и проводим это соревнование.

«В мире науки» выплатит 2500\$ первому соискателю, который создаст астральную фотографию, способную выдержать проверку на подлинность. Подлинность снимка определит комиссия, состоящая из авторитетных судей.

«В мире науки» выплатит 2500\$ первому соискателю, который создаст видимые проявления экстрасенсорных способностей другого характера, при том же условии проверки на подлинность и подтверждения подлинности со стороны тех же судей. Экстрасенсы с ментальными проявлениями способностей, как телепатия, а также слышимыми проявлениями способностей, как вызов полтергейста, не допускаются к участию в этом соревновании. В рамках проведения конкурса мы не будем рассматривать психологические или религиозные аспекты феномена, речь идет исключительно о подлинности способностей и объективной реальности.

Сейчас вы читаете предварительное объявление. Информация о комиссии, условиях демонстрации способностей и времени, в течение которого данное предложение будет оставаться в силе, будет опубликована в январском выпуске.

1923: Скоротечность

Теперь уже недостаточно просто жить одним днем, многие жили одним мгновением. Выражение «в стиле джаза» стало расхожей фразочкой, означавшей «бодро, быстро». Танцы ускорялись, даже фокстрот считался слишком медленным. Вскоре популярен станет чарльстон. Проституток называли «быстрыми барышнями». «Получи сегодня все, что только сможешь, потому что завтра мы все умрем» будто стало девизом многих.

Символом стремления к скорости, охватившего всю страну, стал популярнейший американский бейсболист Бейб Рут. Известен случай, когда он съел восемнадцать хот-догов, потерял сознание и очнулся в больнице Св. Винсента. «Новость об этой желудочной колике облетела весь мир», – писали в газетах. Команде «Нью-Йорк Янкиз» больше не приходилось добиваться победы отточенной техникой: выбитые хоум-раны Бейба Рута предопределяли исход игры. Изменился и бокс. Раньше бой длился двадцать, а иногда и тридцать раундов. Теперь же Джек Демпси укладывал противника в нокаут в конце первого раунда. Даже американский футбол не остался в стороне от увлечения скоростью. Рэд Грэндж произвел революцию в стратегии игры: теперь не было необходимости медленного продвижения по полю. На построенном в память о павших на войне стадионе в городке Шампейн, штат Иллинойс, Грэндж для выполнения тачдауна всякий раз мчался в зачетную зону. За это он заработал от репортеров прозвище Мчащийся призрак.

Прогулка с Китти

Миссис Крэндон не увлекалась спортом, хотя любила верховые прогулки в парке Бэк-Бей-Фенс. Как чудесно, что у них опять появилась лошадь и можно на ней кататься! Мина любила быструю езду, казавшуюся несколько опасной ее мужу. Впрочем, он считал опасной даже ее манеру вести машину. Во время войны Мина пошла добровольцем в службу скорой помощи, и в этом качестве ее приписали к Военно-морскому госпиталю в Нью-Лондоне, где Крэндон служил капитан-лейтенантом. Мина работала там водителем скорой помощи. После свадьбы она часто возила мужа куда-нибудь на машине, и ему постоянно приходилось напоминать, что их автомобиль – не скорая помощь и в салоне никто не умирает.

Однажды в начале марта Мина отправилась на верховую прогулку со своей подругой Китти Браун. Они болтали о невероятном увлечении доктора Крэндона медиумизмом – обеим женщинам было трудно воспринимать это всерьез. Мина тогда пошутила, мол, ее муж – гинеколог, неудивительно, что его интересуется скрытый от глаз людских мир. Тем не менее по его рассказам спиритические сеансы весьма интересны, и Мина, сказав об этом Китти, решила, что им просто необходимо сходить на сеанс. Поддавшись спонтанному порыву, Мина предложила Китти не откладывать это развлечение.

Другая подруга Мины, миссис Ричардсон, высоко отзывалась о священнике Первой спиритуалистической церкви. «Итак, в попытке развлечься, мы [с Китти] отправились туда, надеясь набраться впечатлений и потом позабавить доктора рассказом об этом». Женщины явились в дом к священнику-медиуму, даже не переодевшись после верховой прогулки. Они ожидали, что он «попытается перенести время сеанса на другой день или воспользуется другими, столь распространенными уловками медиумов». Но священник сразу же принял их и провел недолгий и весьма непритязательный ритуал.

Устроив гостей у себя в кабинете, медиум незамедлительно погрузился в транс. Через пару минут он почувствовал присутствие духов. По его словам, среди них был и высокий светловолосый весельчак, утверждающий, что он брат Мины. В первый момент Мина подумала: «Что за метод использует этот медиум? Как он мог узнать о моем покойном брате?»

– Если это так, – сказала она призраку, – докажи мне, что это действительно ты.

Мина заметила, что ее подруга смотрит ей за плечо, будто пытаясь представить себе духа, которого видел медиум. Подавив в себе желание оглянуться, Мина опустила взгляд на сапоги. Может быть, медиум заметил это движение. Он сказал, что брат напоминает ей о том, как однажды они отправились на верховую прогулку и что-то случилось с ее сапогами. Мина вспомнила, как однажды ее пони забрел в топкую грязь, она спешила и тоже увязла в грязи ногой. Тогда ее брат, как и всегда проявив смекалку, ножом разрезал ее сапог и высвободил сестренку. Мина подозревала, что именно так и действуют медиумы. Они говорят что-то наугад, а ты подхватываешь их слова и сам дополняешь картину случившегося. Но потом медиум сказал ей кое-что еще: Мину призывают «к действию».

По словам священника, она наделена редкими способностями и вскоре поймет это.

Думая о спиритическом сеансе по пути домой, Мина решила, что неспроста к ней явился именно брат. У них были особые отношения, ведь они росли вместе «в относительной изоляции от других детей». В детстве Уолтер считал, что наделен экстрасенсорными способностями, и играл в «столоверчение и призыв духов» – об этих

окультиных практиках он узнал во время поездки семьи в Бостон. Игры продолжались до тех пор, пока их отец Айзек Стинсон, человек набожный, не «возмутился по этому поводу и строго-настрого запретил» подобное кощунство. В доме Стинсонов спиритические сеансы считались богохульством.

Выйдя замуж за Роя Крэндона, Мина переняла агностицизм, распространенный в их просвещенном кругу. Но если доктор считал исследования медиумизма наукой, для его жены все это было занятой безделицей. «Было много тем, которые меня не очень-то волновали, но едва ли что-то казалось мне более далеким от сферы моих интересов, чем спиритизм, – говорила впоследствии Мина. – Меня интересовал мой дом, мой сын, музыка и танцы – как и любую нормальную женщину. И когда мой муж, доктор Крэндон, начал читать литературу о парапсихологических явлениях и говорить со мной, мне не нравилась эта тема».

Все еще находясь под впечатлением от спиритического сеанса, Мина рассказала доктору о случившемся. Его скептическое отношение удивило Мину. Но доктор Крэндон переписывался с уважаемыми профессорами и учеными. Он заявлял, что «интеллектуальные аргументы убедили» его в существовании загробной жизни. При этом он не доверял профессиональным медиумам. И всяким спиритуалистическим церквям. Как и не верил в послания, переданные какими-то священниками-медиумами, впадающими в транс.

– Это все надувательство, – сказал он жене.

Она тоже решила, что ее обвели вокруг пальца. Нелепо было бы думать, что мертвые возвращаются и уж тем более что она сама может их вызывать. На какое-то время Мина позабыла о том, что сказал ей медиум.

Сэр Артур Конан Дойл не одобряет назначение награды в 5000\$ за духов.

Нью-Йорк Таймс

Малкольм Берд не верил ни в христианского Бога, ни в духов, ни в голоса из загробного мира. Он рассматривал объявленное соревнование в качестве сугубо научного проекта, изучения загадочного ментального, но при этом естественного явления. Учитывая все эти разговоры о чудесах, он считал, что именно он и его коллеги по журналу «В мире науки» сумеют воспользоваться современным оборудованием и научными методами, чтобы ответить на извечный вопрос о подлинности способностей, которыми якобы обладали медиумы. И если Де Милль использовал в своем фильме образ пророка Моисея, то Берд, представляя читателям «В мире науки» спонсируемое Мунном соревнование, обратился к образу величайших «экстрасенсов» древности: он говорил о пифиях – жрицах Аполлона.

В течение четырнадцати столетий среди женщин избирали ту, кому предстояло стать оракулом бога солнца. Чтобы услышать ее пророчество, паломники съезжались в Дельфы, преодолевая огромные расстояния, подчас даже из Азии. Восседая на треножнике в храме Аполлона, Дельфийский оракул вдыхал «волшебные» пары, якобы поднимающиеся от самого сердца Земли, и под воздействием одурманивающих веществ произносил пророчества. Слова пифии были бессвязны и требовали дальнейшей интерпретации жрецом, ибо мужчины рациональны, женщины же способны впадать в пророческий экстаз. Но затем настало время, когда один из жрецов Аполлона – им был знаменитый историк Плутарх – заметил, что пары из расщелины в земле утрачивают свою силу. В Римской империи наступил расцвет христианства, и со взлетом новой религии дни пророчеств оказались сочтены.

Но Берд утверждал, что даже в те времена, когда оракул обладал огромным влиянием, существовали споры о том, действительно ли пифия «осенена благодатью, или же она одурманена – а может быть, просто лжет». Поэтому теперь, в 1923 году, когда пророки вновь проводили религиозные ритуалы, древний спор возобновился: мошенники ли экстрасенсы или пророки, как древнегреческая Кассандра? «Сегодняшняя дискуссия, по сути, является продолжением того же спора, начавшегося в 1000-х годах до н. э., только выраженного современным языком и перемещенного в современные условия», – заявил он. С точки зрения редакции «В мире науки», разница состояла в том, что современный ясновидящий пророчествовал в мире, где торжествовал разум, а не суеверия. Если медиум хочет получить награду, обещанную Мунном, он должен играть по правилам двадцатого века – правилам, составленным лучшими современными исследователями паранормальных явлений и экспертами: Принсом, Макдугаллом, Комстоком, Каррингтоном и Гудини.

Берд признавал, что задача разрешить проблему медиумизма раз и навсегда может показаться слишком амбициозной, но он надеялся, что данное соревнование сможет ответить на вопрос, волновавший его современников, ведь многие люди его поколения искали совета у медиумов как никогда активно со времен Дельфийского оракула. Итак, члены комиссии, жившие в Нью-Йорке (Каррингтон, Гудини и Принс), и представители журнала «В мире науки» (Берд, Мунн и Лескарбура) собрались в редакции. Гудини расхаживал по комнате, вертя в руках колоду карт, Берд курил. Мужчины обсуждали свои

представления о паранормальных явлениях и пытались составить свод правил для проведения соревнования. Гудини хотел тщательно связать медиума, чтобы исключить возможность мошенничества. К его досаде, Каррингтон утверждал, что предложенный им метод контроля – это уже слишком. И остальные судьи согласились. Да, медиумов будут обыскивать, и можно будет воспользоваться веревкой, чтобы связать соискателя награды, но без драконовских методов, задуманных Гудини.

– Не хотим же мы представить нашим читателям медиума, перетянутого веревками, как кусок ветчины, – сказал Берд.

Но кто же они, эти великие экстрасенсы, и где их искать? Первой Берд хотел привести в Нью-Йорк Аду Бессинет, ясновидящую из Огайо, которую Дойл называл наиболее выдающимся американским медиумом с физическими проявлениями способностей. Во время сеанса с ним Бессинет заставила проявиться астральный лик его матери – подобие было потрясающе точным, Дойл видел каждую морщинку. Однако миссис Бессинет в итоге отказалась проводить сеанс в присутствии Гудини, и пока что у журнала не было другого кандидата на примете. Все согласились с тем, что для привлечения участников необходимо, чтобы Дойл призвал всех сильных медиумов Европы и Америки откликнуться на зов редакции. «Я прошу вас выступить с заявлением по этому поводу и всецело полагаюсь на вас, – писал Дойлу Лескарбура. – Во-первых, поскольку ваше предложение подтолкнуло нас к решению объявить награду за экстрасенсорные способности; а во-вторых, мы надеемся, что вы сможете уговорить некоторых наиболее выдающихся британских медиумов приехать в Америку в поддержке идей медиумизма».

Журнал предлагал экстрасенсам «честную сделку». Берд объявил, что медиумы смогут действовать в полностью затемненной комнате и в доброжелательной атмосфере: «Мы ведь не обвиняем фотографов в мошенничестве, когда они говорят, что пленку нужно проявлять только при красном свете. Нам также известен тезис (пусть мы и воздерживаемся от признания его истинности) о том, что враждебное отношение окружающих осложняет использование паранормальных способностей». Как Берд и надеялся, многих медиумов успокоило это его заявление. Они хотели получить престижную награду, обещанную «В мире науки», проблема состояла только в том, что пока что в Вулворт не обращались стоящие внимания экстрасенсы.

Так, среди первых соискателей оказался медиум, попросивший представителей журнала запереть дверь комнаты, в которой будет проходить их разговор. Только после этого он шепотом сообщил Берду, что дух передал ему секрет чудесного аппарата, который он готов создать, если патентное бюро Мунна заплатит ему двадцать пять тысяч долларов. Его выставили за дверь без дальнейших расспросов.

Следующий соискатель, итальянец-парикмахер из района Уильямсбург в Бруклине, заявил, что, когда дело доходит до призыва призраков, столоверчения и вопросов к великим людям прошлого – Шекспиру, Цезарю и Бенджамину Франклину, – ни одна королева эктоплазмы с ним не сравнится. Его кандидатуру тоже отклонили.

Берду казалось, что на его призыв откликаются только сумасшедшие, любители розыгрышей и шарлатаны. Одна пожилая женщина, явившаяся в редакцию журнала, заявила, что после долгих лет изучения газетных вырезок она обнаружила следующее: люди, чьи фотографии попадают в газеты, похожи на определенных животных. По ее словам, сходство знаменитых людей с животными обнаружил еще древнегреческий философ Аристотель. В подтверждение своей теории старушка принесла с собой пухлый чемодан, доверху набитый

тысячами газетных вырезок, и к каждому снимку было прикреплено изображение соответствующего животного. К сожалению, когда женщина села за стол, ее чемодан открылся и газетные вырезки разлетелись по полу. По словам Берда, у сотрудников ушел битый час на то, чтобы собрать все бумаги, доставая их из-под столов редакции и шкафов, но в итоге все вырезки огорченной старушке вернули. К ее глубокому разочарованию, ее заявку на участие в соревновании Мунна отклонили. Редакция не собиралась вызывать из Бостона столь занятых людей, как Комсток или Макдугалл, и уж тем более не собиралась срывать Гудини с небоскреба, где он в очередной раз продемонстрировал освобождение из смиренной рубашки, повиснув вниз головой, или же отвлекать его от съемок нового фильма только для того, чтобы он мог проверить каких-то безумцев, только что сошедших с поезда из Лили Дейл или Кассадаги^[24].

Дойл предупреждал их, что такое случится. В ответ на объявление награды «В мире науки» сэр Артур написал письмо в компанию Мунна, которое опубликовали многие нью-йоркские газеты. Он предупреждал, что проводить подобное соревнование экстрасенсов «... очень опасно. Крупное денежное вознаграждение привлечет множество мошенников». Дойл утверждал, что по-настоящему одаренные медиумы не захотят участвовать в состязании, за победу в котором обещают приз. «Они помогли бы вам, чтобы поддержать идею спиритуализма и укрепить собственную репутацию», – писал он, но это возможно, только «если вам удастся заручиться личной поддержкой лидеров движения».

Как выяснилось, заручиться его поддержкой было не так уж и сложно. Невзирая на свое недовольство денежным аспектом соревнования, сэр Артур был доволен тем, что «столь авторитетный журнал, как “В мире науки”, интересуется вопросами медиумизма». Он предлагал следующее: Орсон Мунн должен организовать международный поиск талантливых медиумов как в Европе, так и в США, а отбирать кандидатов надлежит человеку, компетентному в таких вопросах и безукоризненно честному. Если «В мире науки» пришлет такого человека к нему, сэр Артур обещал познакомить его с лучшими экстрасенсами в Англии и в целом помочь ему всеми силами. А главное, представитель Мунна должен быть вежливым и непредвзятым, лишенным каких-либо предубеждений относительно спиритических сеансов.

«Все зависит от того, кого вы пришлете», – писал Дойл.

Месяц спустя, в начале февраля, Малкольм Берд шел по Бруклинскому мосту с двумя репортерами, жившими в соседнем боро^[25]. В основном они говорили о подготовке к соревнованию медиумов, занимавшему все рабочее время Берда. Может быть, на Берде сказались пребывание в подпольном баре на Бродвее, но, когда он взглянул с моста на окутанный сумерками Нью-Йорк, ему привиделось что-то неземное: над перламутровыми водами реки точно возвышался сказочный город, желтели волшебные огоньки, взметались в небеса шпили, темнели громады домов.

Невзирая на количество выпитого, спутники Берда оставались трезвомыслящими материалистами, с презрением относившимися к взлету спиритуализма. Что касается самого Берда, он часто утверждал, что «не верит, но и не отрицает»: мол, он не собирался принимать окончательное решение по этому вопросу, пока не познакомится с достаточным количеством медиумов. Вскоре это должно было случиться: в соответствии с замыслом Дойла Берд недавно купил билет на корабль в Европу, где ему предстояло составить свое мнение о лучших тамошних ясновидящих.

Собственно, Берд заказал даже два билета, чтобы в зависимости от количества

предстоящих встреч с медиумами наиболее оптимально подобрать время прибытия в Великобританию. Во время визита он надеялся посмотреть Лондон, но в итоге сумел увидеть только Вестминстерское аббатство и Вестминстерский дворец, даже на Тауэр взглянуть не успел, так он был занят встречами с экстрасенсами Дойла.

Первым медиумом, с которым он познакомился в Англии, был Джон Слоан, скромный шотландский парень – по словам Берда, «едва ли достаточно интеллектуально развитый для хитроумного мошенничества». Спиритический сеанс с Джоном Слоаном был первым в жизни организатора соревнования экстрасенсов, и Берд с изумлением отметил свою полную неспособность что-либо разглядеть после того, как все на сеансе взялись за руки и задули свечи. Как выяснилось, на спиритическом сеансе не было места свету и глаза не приспособивались к темноте, как бывает по ночам при свете звезд. «Можно просидеть там до скончания времен, – писал он, – и видимость останется нулевой. Если вы никогда не бывали на подобном спиритическом сеансе, вы, должно быть, и не видели такой темноты».

Вскоре после начала сеанса из трубы на столе донесся приглушенный шепот – Берд был уверен, что эти звуки не издает сидевший прямо рядом с ним медиум. Затем в трубу якобы вселилась некая незримая сущность, назвавшая себя капитаном Морганом. Атмосфера на сеансе «стала весьма напряженной». И тут случилось кое-что, поразившее Берда до глубины души.

Хотя Берд пришел на сеанс инкогнито, голос описал его прогулку по Бруклинскому мосту с двумя друзьями три недели назад! Капитан Морган утверждал, что следил за Бердом с тех самых пор, как редактор собрался в Европу, поскольку духи якобы считали предстоящую ему здесь работу необычайно важной^[26]. Дух отметил, что Берд зарезервировал два билета на корабль в Англию. Редактор не мог понять, каким образом говоривший с ним сумел получить информацию, известную лишь паре его коллег по журналу.

Впоследствии, обдумывая сеанс, Берд не мог определить каких-либо методов мошенничества. Он послал телеграмму друзьям, с которыми гулял тогда по Бруклину, но ни тот, ни другой не сумели разгадать эту загадку. Гудини в поисках каких-либо доказательств правоты спиритуалистов посетил невероятное количество сеансов, и все медиумы оказались пустышками. А Берду с самого начала нашлось чем поделиться с читателями, причем его статья о необъяснимом сеансе вышла в столь уважаемом издании, как «В мире науки»!

Далее сэра Артура направил Берда к одному из наиболее почитаемых экстрасенсов Англии – к Глэдис Осборн Леонард. Именно она впервые воссоединила сэра Оливера Лоджа с его мертвым сыном Раймондом. По словам Дойла, она была лучшим «трансовым» медиумом из всех, кого он знал. Но милая миссис Леонард не была допущена к соревнованию «В мире науки». За тридцать шиллингов Берд ожидал чего-то большего. Медиума одержал дух юной девушки по имени Феда, затем вокруг зазвучало множество призрачных голосов и все бормотали, что при жизни знали Берда, но произносили только какие-то общие фразы. Берд не узнал ни единого голоса, и дух, вселившийся в миссис Леонард, был весьма далек от истины, описывая его. «Необходимо отметить, – писал Берд, – что едва ли можно было ошибиться сильнее, чем этот дух, назвавший меня тихоней и нежной, тонко чувствующей сентиментальной натурой».

Но вне зависимости от того, говорили духи правду или нет, «В мире науки» искал не этого: журнал не допускал к состязанию ментальных медиумов и ясновидцев. Эван Пауэлл, уэльский медиум, впервые передавший сэру Артуру весточку от Кингсли, больше подходил

для запланированного испытания, поскольку не только получал сообщения от мертвых, но и обладал физическими проявлениями способностей, в частности выделением эктоплазмы. Однажды днем Пауэлл провел спиритический сеанс для Берда в Лондоне, и при этом цветы поднялись из ваз и коснулись лиц и рук каждого присутствовавшего в комнате. Берд подозревал, что Пауэллу удалось высвободить руку, но тем не менее он был впечатлен произошедшим. «Резонно предположить, что в случае данного конкретного спиритического сеанса речь шла и о проявлении подлинных способностей, и о мошенничестве одновременно», – писал он. Впрочем, Пауэлл, чьи способности уже изучали представители куда более лояльно настроенного по отношению к нему Британского института парапсихологических исследований, не согласился ехать в Америку, где ему предстояло бы куда более серьезное испытание.

Затем Берд пересек Ла-Манш и отправился в Берлин, где спиритический сеанс провела для него загадочная Госпожа Фольхард, считавшаяся необычайно сильным медиумом. Во время сеанса, будучи связанной, она материализовывала ветки и крупные камни и те падали на стол. После сеанса Берд поговорил с ней и рассказал о награде за победу в соревновании. Учитывая уровень инфляции в Германии (за один доллар там давали двадцать тысяч марок), при словах о денежном вознаграждении голубые глаза Госпожи Фольхард загорелись. «Но, даже принимая во внимание возможность выиграть столь крупную сумму, она отказалась проводить сеанс, если ей не позволят использовать ее собственную одежду и не освободят от обязательного досмотра», – сообщил Берд читателям «В мире науки».

Он уже собрался покинуть ее квартиру в Берлине, а затем и вовсе уезжать из Европы, когда случилось кое-что еще. Госпожа Фольхард вдруг вскрикнула и показала возникшие на тыльной стороне ее ладоней стигмы – глубокие кровоточащие раны, словно только что ее укусило какое-то демоническое создание. Но «В мире науки» отказался изучать этот феномен на условиях, выставленных немецким медиумом. Она требовала, чтобы ей позволили надеть для сеанса ее привычную мешковатую одежду, и не соглашалась на что-либо, кроме поверхностного досмотра. Этот факт не позволял допустить ее к участию в соревновании, как и других предложенных Берду кандидатов.

В 1920-е годы Зигмунд Фрейд выдвинул теорию о том, что неотъемлемой частью нашей психики является *Todestrieb*, влечение к смерти. Словно чтобы подтвердить истинность этой теории, Гудини раз за разом рисковал жизнью на глазах у потрясенной публики. Хотя сэр Артур и не интересовался новомодным направлением в психологии, иногда он задумывался, не довлеет ли над его другом бессознательное стремление к воссоединению с его покойной матерью в мире ином. После спиритического сеанса в Атлантик-Сити один знакомый медиум предупредил Дойлов, что жизнь их друга в опасности. Ужасно, когда герой, в которого все верили, погибает, разбившись о мостовую после падения. В Нью-Йорке каскадер, выступавший под творческим псевдонимом Человек-муха, сорвался с фасада небоскреба. Он выполнял трюк, рекламируя новый фильм Гарольда Ллойда «Безопасность пренеже всего!», и эти слова были написаны на спине его белого переливающегося одеяния. На мгновение трюкач, казалось, завис в воздухе – а затем пролетел десять этажей вниз и разбился об асфальт. Человек-муха умер на глазах двадцати тысяч зрителей, собравшихся на Грили-сквер. Среди них была и жена каскадера, двадцатилетняя коротко остриженная модница. В качестве компенсации ей выплатили сто долларов – именно столько должен был получить Человек-муха за этот трюк. «Бога ради, воздержитесь от столь рискованных представлений, – писал Гудини сэр Артур. – Вы и так уже слишком часто шли на риск в своей жизни. Я решил поднять эту тему, поскольку только что узнал о смерти Человека-мухи. Стоит ли оно того?» Да, оно того стоило! Гудини разбогател и обрел известность именно благодаря своим рискованным трюкам. Для него было бы куда хуже умереть в неизвестности, чем упасть с десятого этажа небоскреба. Как бы то ни было, он был растроган заботой сэра Артура о его безопасности, особенно учитывая тот факт, что к этому моменту их дружеские отношения были на грани краха.

«Я никогда не встречал столь приятных и доброжелательных людей, как он», – сказал Гудини о сэре Артуре вскоре после их первой встречи в Уиндлсхеме. Затем настали чудесные времена в Нью-Йорке, и апогеем отношений Дойла и Гудини стал спиритический сеанс в Атлантик-Сити. Но вскоре их отношения уже нельзя было назвать столь безоблачными: проблемы начались именно из-за того, что произошло тем вечером в гостиничном номере Дойлов.

Вернувшись в Англию, сэр Артур утверждал, что Гудини принял спиритуализм благодаря воссоединению с матерью и наконец-то признал собственные медиумические способности. «Дорогой Гудини, есть ли зерно правды в словах Дойла о том, что благодаря леди Дойл вы получили подлинное послание от вашей матушки? – писал Эрик Дингуолл. – И правда ли, что вы овладели техникой автоматического письма?»

«Нет», – ответил ему Гудини. То же самое он сказал и широкой публике. За день до Хэллоуина 1922 года он дал интервью журналисту «Нью-Йорк Сан», заявив, что в основе спиритуализма – не более чем жутковатые фокусы, а медиумы – либо мошенники, либо больны истерией. К этому интервью его подтолкнул вызов, брошенный экстрасенсами их величайшим противникам, фокусникам. Медиумы, словно предвидя состязание, организованное «В мире науки», внесли встречное предложение, обещая пять тысяч долларов тому фокуснику, кто сумеет симитировать восемь проявлений паранормальных способностей.

Гудини принял вызов. Со стороны казалось, что он рассматривал спиритический культ как своих оппонентов и никогда не был честен с Дойлами. Войдя в раж, он позволял себе высказывания, становившиеся газетными заголовками и ужасавшие сэра Артура: «Разочарованный исследователь сверхъестественного утверждает, что спиритуализм зиждется на обмане и все медиумы – мошенники; те же, кто верит в свои способности, лгут сами себе». Сэр Артур воспринимал такие слова не только как оскорбление его веры, но и как возведение напраслины на его жену.

Пресса требовала от Дойла комментарии по этому поводу. «Мне прислали выпуск “Нью-Йорк Сан” с вашим интервью, – писал он Гудини. – И явно хотели, чтобы я ответил на ваши обвинения, но у меня нет ни малейшего желания устраивать публичный спор с моим другом». Сэр Артур считал ниже своего достоинства упоминать о том, что случилось в Атлантик-Сити, но он не забыл выражения благоговения на лице Гудини, когда Джин подарила ему послание матери. Он помнил, каким счастливым его друг покидал гостиничный номер, как пожал ему руку, как радовался, что завершилось десятилетие сеансов-пустышек, разочаровывающих откровений и тысяч исписанных методом автоматического письма бумаг. «Когда вы говорите, будто у вас нет доказательств жизни после смерти, ваши слова не соответствуют тому, что я видел собственными глазами, – писал ему сэр Артур. – Я не раз убеждался в том, что моя жена искренна, когда проводит спиритический сеанс, и я видел, какое впечатление произвели на вас ее способности медиума».

Духи свели их вместе – и теперь духи разрушали их дружбу. Гудини намекнул сэру Артуру, что тот недостойно ведет себя в споре. «Вы пишете, что огорчены, – ответил он Дойлу. – Я уверен, что вы разочарованы вовсе не во мне, ведь вы, человек, который всю жизнь вел себя по-мужски и говорил лишь правду, должны уважать те же качества в других людях».

Затем Гарри объяснил, что именно зародило в нем сомнения в подлинности сообщения, переданного ему леди Дойл: «Письмо было полностью написано на английском языке, моя же почившая мама не умела ни читать, ни писать, ни говорить по-английски». Гудини ожидал, что подлинное сообщение от матери будет на ее родном языке, но сэр Артур, среди знакомых которого было очень мало евреев, не знал о языке идиш и предположил, что его друг имеет в виду древнееврейский. Дойл ответил на это, что в мире ином не было разделения языков: такие медиумы, как его жена, воспринимали послания «как мыслеобразы». Медиумы, впадающие в транс, «могли бы записать послание на древнееврейском, но я не думаю, что такое вообще возможно при использовании метода автоматического письма».

По сути, их религиозные взгляды были несовместимы. «Кстати, – отмечал в том же письме Дойл, – мистер Берд сказал мне, что в послании, переданном вам вашей матерью, вы сочли подозрительным то, что почтенная иудейка нарисовала вверху страницы крест. Должен сказать вам, что моя жена рисует крест на каждой странице автоматического письма, поскольку мы оба опасаемся влияния злых духов и считаем, что крест может защитить нас». К сожалению для Дойла, его друг-иллюзионист не хотел совершить «скачок веры», величайший скачок в его жизни.

Когда Гудини пригласили участвовать в организованной Мунном «охоте на духов», Гарри пришлось отказаться от своего намерения показать публике фокус под названием «Восемь паранормальных способностей». Поскольку он оказался одним из пяти членов комиссии

Мунна, он не мог открыто выступать против спиритуалистов и при этом заявлять, что сохраняет непредвзятость по отношению к медиумам. Тем не менее сэр Артур пожаловался на то, что включение Гудини в комиссию «В мире науки» «...сразу же внушает недоверие. Я хотел, чтобы вы собрали пять порядочных и здравомыслящих людей, которые могли бы беспристрастно наблюдать за ходом спиритического сеанса». Но хоть Дойл и отдалился от Гудини, он, похоже, обрел нового друга в лице Берда – человека, от которого все зависело.

Они вместе прибыли из Англии четвертого апреля – проповедник спиритуализма и представитель «В мире науки». Газетчики назвали приезд Дойла в Америку и его лекционный тур 1923 года «вторым пришествием сэра Артура». Судя по приему, оказанному Малкольму Берду, «новый сыщик, расследующий дела медиумов» и его международная охота за привидениями интересовали прессу не меньше, чем создатель великого детектива. «Во времена, когда половина Европы, похоже, погрязла в спиритуализме, да и в Соединенных Штатах находятся тысячи сторонников этой теории», отчеты Берда о проделанной работе пришлось по душе читателям.

Он многое повидал на спиритических сеансах. «Столы действительно приподнимались над полом, зажигались загадочные огоньки, из труб для сеанса доносились голоса, как слетали они и с губ медиумов, вазы летали в воздухе, и все это, похоже, становилось возможным благодаря некой таинственной силе, источник которой до сих так и не был обнаружен. Мистер Берд утверждал, что видел все, о чем говорил ему сэр Артур, кроме эктоплазмы – странного вещества, выделяемого телом медиума».

Но, невзирая на все это, Берд был удивлен тем вниманием, которое обрушилось на него сразу после прибытия в Нью-Йорк. Всего несколько лет назад он был талантливым, но безвестным преподавателем Колумбийского университета. Теперь же журналисты в своих статьях самовольно провозгласили его уже не секретарем, а «главой» соревнования «В мире науки». Они не понимали, что Берд не был ни экспертом, ни членом комиссии, он просто организовывал состязание экстрасенсов. Тем не менее, когда Берд сошел на берег с палубы трансатлантического лайнера «Олимпик» вместе с Дойлом, его встретили как важную новую фигуру в «поиске ответа на извечный вопрос».

– Я предложил мистеру Берду обратиться ко мне и полностью положиться на меня, – заявил прессе сэр Артур.

Создав гениального сыщика, он теперь, похоже, намеревался сотворить еще одного.

Едва ли люди, делящие одно ложе, более близки, чем участники спиритического сеанса. Но сэр Артур проникся симпатией к Берду не только поэтому: медиумы в Европе утверждали, что присутствие мистера Берда укрепляет гармонию спиритического сеанса.

Один из духов, призванных миссис Леонард, предрек, что Берд «со временем внесет огромный вклад в движение спиритуалистов»; другие духи уверяли, что он сам медиум.

Малкольм Берд укреплял свою репутацию и приобретал ценный опыт на поприще сверхъестественного, поэтому, по словам сэра Артура, «если он будет критиковать наше движение, к его критике надлежит прислушиваться со всем должным уважением». И напротив, Дойл предупредил, что Гудини «отпугнет любого порядочного медиума, ибо и они люди, а не машины, и не терпят оскорблений... они не станут проводить сеанс в недоброжелательной атмосфере».

Чтобы развеять опасения медиумов, сэр Артур намеревался присутствовать на спиритических сеансах, которые Берд организовал в мае. Также он сообщил репортерам, что собирается помочь «В мире науки» отыскать того все еще скрывающегося от них медиума,

достойного награды.

Выполняя свое обещание, сэр Артур отправился с Бердом на спиритический сеанс в сельский домик неподалеку от озера Эри. Рядом с ними в кресле сидела погрузившаяся в транс Ада Бессинет.

Медиум тяжело дышала, и слышалось в этом звуке что-то злое. Но комната наполнилась ее витальной энергией, названной бароном фон Райхенбахом «одической». Над головами участников спиритического сеанса вспыхнули призрачные огоньки – желтоватые, с красным отливом. Затем в комнате взвился серый дым и в нем проступили полупрозрачные лица – тридцать? сорок? Сэр Артур пытался распознать в них знакомые черты.

– Мне кажется, это Оскар [его покойный племянник]! – воскликнул он.

В другом призраке он узнал свою мать. Сам Берд не мог разглядеть никого знакомого, но, впрочем, он не терял никого близкого. Этот факт в какой-то степени делал его идеальным наблюдателем. «Я остаюсь бесстрастным при подобных проявлениях, – писал он, – и полагаю, что мне удастся сохранять полное спокойствие».

Но у Берда, выполнявшего функции секретаря конкурса, была склонность преувеличивать. Доил посоветовал ему посетить сеанс в Индиане, и, убежденный в искренности пожилой женщины-медиума, писавшей послания духов на грифельной доске, Берд заявил:

– Если она мошенница, то нет никакого смысла верить в самую возможность искренности кого-либо из рода человеческого... Все мое естество восстает против мысли о том, что эта пожилая леди может оказаться обманщицей.

Членов комиссии не очень-то радовали такие его заявления.

Некоторое время назад Уолтер Принс посетил сеанс той самой старушки в Индиане и счел ее методы подозрительными. Оценивая экстрасенсов еще до проверки, Берд вызвал у Принса опасения: что, если «В мире науки» ставит во главу угла журналистику, а не науку? Официальные эксперты – Принс, Каррингтон, Комсток, Макдугалл и Гудини – были обеспокоены тем, что выводы Берда могут принять за их собственные.

– Этот редактор – новичок в таких вопросах, – ворчал Гудини. – Он станет легкой добычей для любого медиума-афериста.

После каждой статьи Берда «В мире науки» напоминал читателям, что их редактор присутствует при предварительных спиритических сеансах и не следует путать их с предстоящим научным исследованием медиумов, которое проведет комиссия.

Но нью-йоркская пресса не всегда следила за разграничением подготовительных сеансов и предстоящих суровых испытаний. В Англии Берд присутствовал на сеансе астрального фотографа Уильяма Хоупа, которого и Принс, и Гудини подозревали в мошенничестве. К их ужасу, Берд положительно отозвался об астральных снимках Хоупа.

«Мистер Берд, похоже, заявил о своей уверенности в подлинности астральных снимков. Этот факт вызывает не только удивление, но и сомнение в надлежащем проведении дальнейшего мероприятия», – писали в «Трибьюн». Редакция «Трибьюн» призывала провести непредвзятое научное исследование медиумизма, как и планировалось вначале. Уолтер Принс, в целом хваливший наблюдательность Берда, на этот раз высказался довольно резко: «Если мистер Берд желает укрепить свою репутацию серьезного исследователя паранормальных явлений, чего я ему искренне желаю, он должен в дальнейшем избегать ситуаций, когда он словно влюбляется в медиума».

Эксперимент Кроуфорда

В то же время в мае Крэндоны устроили необычную вечеринку. Тем вечером Рой сохранял безукоризненную трезвость, как подобает скорее врачу, а не радушному хозяину дома, гости последовали его примеру. Дворецкий Ногуччи едва ли подал им хотя бы бокал вина, но сама атмосфера в гостиной пьянила: все с нетерпением ждали, что же будет дальше. Доктор запланировал немного пугающее развлечение. Даже погода, как пошутила миссис Крэндон, была на их стороне – за окном моросил дождик.

Мина понимала, что этот вечер станет кульминацией долгой работы Роя: он готовился к этому событию несколько месяцев. До встречи с сэром Оливером Лоджем ее муж был столь же убежденным атеистом, сколь убежденным верующим был ее отец. Когда-то Рой освободил ее от пут религии, показал, насколько глупо поклоняться придуманному людьми божеству. Позже он стал говорить, что с Библией связано куда больше суеверий, чем со спиритическими сеансами. И он уже не относился столь скептически к словам медиума о том, что его жена обладает сверхъестественными способностями. Доктор отправился к тому же священнику-спиритуалисту, якобы не сказав медиуму, ни кто он сам такой, ни кто его жена. Но на сеансе священник заявил, что с ним вновь желает поговорить покойный брат миссис Крэндон. В этом-то и состояла проблема исследования ментальных проявлений паранормальных способностей – невозможно было получить эмпирические доказательства. Правоту медиумов всегда можно было объяснить случайностью, интуицией или мошенничеством. А вот физические проявления медиумизма проверить легче – по словам доктора Крэндона, они могли оказаться либо подлинными, либо нет.

Особенно его заинтересовали эксперименты, которые проводил на спиритических сеансах в Ирландии доктор Уильям Джексон Кроуфорд – преподаватель инженерной механики и машиностроения, увлекавшийся парапсихологией. Знакомая доктора Кроуфорда, Кэтлин Голигер, была медиумом, но не зарабатывала на этом. В гостиной дома своих родителей в Белфасте она провела для Кроуфорда сто семьдесят спиритических сеансов. Доктор был уверен, что из ее влагалища выделяется эктоплазма, формирующая отростки, которые способны поднять стол над полом. Он видел, как стол покачивался в воздухе, точно на волнах, затем резко повернулся в сторону... и перевернулся вверх тормашками. И все это происходило из-за воздействия духов, использовавших дар этой хрупкой ирландской девушки. На сеансах Голигер прибегала к методу, который назывался «использование контактных явлений»: участники сеанса опускали руки на стол и призывали духа, тот же заставлял стол вибрировать, двигаться, поскрипывать или стучать об пол. В результате, как полагал доктор Кроуфорд, в этот стол вселялся дух. Кроуфорд применял для исследований обширный инструментарий: динамометр, датчики давления, электроскоп – и говорил о сокращениях и мощности силовых полей. Он интересовал Роя именно тем, что исследовал явления с научной точки зрения. Как и всегда в таких ситуациях, Крэндон попытался связаться с ученым, чтобы узнать подробности его работы. К сожалению, обмен данными на тот момент уже был невозможен. Доктор Кроуфорд утопился в озере неподалеку от Белфаста. В предсмертной записке семье он не винил духов в своем самоубийстве: «Я полностью выгорел интеллектуально... Дело не в моих исследованиях паранормального, они приносили мне радость».

Тем майским вечером доктор Крэндон намеревался воссоздать эксперимент, который

Кроуфорд проводил в Белфасте. «Контактные явления очень распространены, – писал Кроуфорд. – Почти в каждой семье найдется хотя бы один человек, способный их вызвать». Исследователь подробно описал процесс использования экстрасенсорной силы для столоверчения, и Рой сверялся с его руководством при планировании собственной попытки исследовать неизведанное. Он заказал постройку деревянного стола весом в восемь килограммов по чертежу Кроуфорда. Важно было не использовать гвозди, поскольку считалось, что любые ковкие металлы каким-то образом влияют на парапсихический магнетизм. Кроме того, Крэндон купил красную лампу в библиотеку, поскольку эктоплазма якобы лучше всего выделялась именно при красном свете.

Крэндон пригласил нескольких близких друзей на ужин и спиритический сеанс. Он хотел провести эксперимент в кругу людей, которым доверял, ведь так можно исключить возможность мошенничества. В уставленную книгами комнату на четвертом этаже его огромного дома – здесь было две библиотеки, и Рой выбрал эту – поднялись гости. Все были настроены, пусть и в разной степени, скептически. Пришла подруга Мины, Китти, со своим мужем доктором Эдисоном Брауном. В кругу общения Роя было много выдающихся врачей, и доктор Браун был одним из них. Нужно отметить, что именно Брауны тем вечером оказались наиболее непредвзятыми участниками эксперимента, в принципе допуская возможность контакта с духами. Явился и управляющий зданием на Коммонуэлс-авеню, где находился кабинет доктора Крэндона, – Фредерик Адлер, в спиритизм не веривший, но готовый подыграть старому другу. Присутствовал и Александр В. Кросс, своей необщительностью контрастировавший с развеселой компанией.

Кросс, англичанин из Кентербери, был человеком эмоционально неустойчивым и неуравновешенным, он нес бремя прошлого, о котором знали только Крэндоны. Алек – так они его называли – работал в таможенном управлении в Шанхае столько лет, что почти утратил связь с западной культурой. Началась Первая мировая война, и он отправился в Англию, но лайнер, на котором он плыл, перехватил немецкий рейдер, и Кросс полгода провел в плену на борту. Когда судно затопили неподалеку от берегов Дании, Алеку удалось сбежать. Каким-то чудом он добрался до Англии, и его отправили служить в британский трудовой лагерь во Франции, где под его началом работали десять тысяч китайцев, обеспечивая солдат на французском фронте. Там Кросс получил психологическую травму, сделавшую его непригодным к жизни в мирное время. Тучный, страдающий от проблем со здоровьем, после войны он переехал в Бостон. Доктор Крэндон, с которым он успел подружиться во время прежнего визита в Америку, приложил все усилия, чтобы помочь ему: он попытался найти Алеку работу, а когда это оказалось невозможным, нанял его сам. У Кросса была комната в Кембридже, пригороде Бостона, но он часто ночевал на Лайм-стрит и спал на диване в библиотеке. Он числился у Крэндонов библиотекарем, но, по сути, эта должность была фикцией – Мина как-то говорила, что на самом деле он только приглядывал за их котом. На спиритическом сеансе тем вечером Алек был самым молодым участником, кроме разве что Мины. К сожалению, при этом именно он был ближе всех к могиле.

Шестеро друзей взяли за руки и опустили запястья на столик Кроуфорда, как и рекомендовал покойный ученый. Кроуфорд также советовал начинать ритуал призыва с молитвы. Доктор Крэндон решил отказаться от этого. Миссис Крэндон в шутку предположила, что дух Кроуфорда – а может, и кого-то другого – и без того прилетит на свет красной лампы на столе Роя. Очевидно, она не относилась к предстоящему ритуалу всерьез, рассматривая сеанс как способ развлечься. Предыдущий спиритический сеанс не вызвал в

ней никакого отклика. И даже Китти, в прошлый раз после верховой прогулки поддержавшая предложение подруги отправиться к медиуму, сомневалась, что этим вечером случится что-то необычное.

«К тому времени я ни в малейшей степени не верила в возможность общения с духами, – вспоминала потом миссис Крэндон. – Но те самые друзья, которые разубедили меня, теперь были настроены очень серьезно. Может быть, этому способствовал красный свет. Но, честно говоря, они сидели с таким торжественным видом, что я рассмеялась. В ответ они возмутились, а мой муж мрачно заявил, что мы тут “заняты важным делом”».

На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов с репетиром. Необычно было сидеть вот так в полумраке, держась за руки с друзьями, к которым редко прикасаешься. Красное свечение придавало убежищу Алека вид притона курильщиков опиума, хотя никто тут и не делал ничего предосудительного. Алек шевельнулся на стуле, и Рой недовольно покосился на него. Попытки познать тайны мира иного – не для нетерпеливых. Духи по-прежнему не проявляли себя. Да никто за этим столом и не ожидал, что они появятся. Однако вскоре начало происходить что-то необъяснимое. Участники сеанса дышали в такт, объединившись в круге, и сила их устремления, неуловимая сила мысли, словно дала толчок сеансу... и началась дрожь. Стол шелохнулся, будто ожил. У доктора Крэндона было такое ощущение, будто его рука лежит на спине живого существа, например собаки. И вдруг стол дернулся, затем встал на две ножки и упал на пол! Чтобы определить, кто из участников сеанса действует как медиум, они по очереди выходили из комнаты. Когда вышла миссис Крэндон, дрожь прекратилась. Когда она вернулась в библиотеку, друзья встретили ее аплодисментами. Священник-спиритуалист был прав. Мина, сколь неожиданно это ни было, обладала сверхъестественными способностями, и чей-то астральный дух действовал через нее.

До начала соревнования, устроенного «В мире науки», оставалось всего несколько недель, и об этом трубили все нью-йоркские газеты. В «Геральд» писали, что «предстоящая охота на привидений будет наиболее тщательной, перспективной и научно обоснованной из всех, что когда-либо организовывались». «Таймс» окрестила соревнование «лакмусовой бумажкой спиритуализма», «Трибьюн» – «великой охотой на духов». В «Трибьюн» же утверждали, что «любой человек широких взглядов с интересом ожидает начала исследования», поскольку наконец-то можно надеяться на «поистине непредвзятую проверку экспертами фактов, касающихся астральной фотографии, эктоплазмы и остальных столь распространенных спиритуалистических явлений».

Но упоминаний о кандидатах до сих пор не было, даже невзирая на ходатайства сэра Артура. «Знаменитые медиумы – медиумы, которые якобы обладают именно теми способностями, которые мы хотели бы изучить, – до сих пор не вызвались участвовать в нашем исследовании», – писал в мае «В мире науки».

Малкольм Берд получил сотни заявок на участие в соревновании, но все равно опасался того, что экстрасенсы откажутся демонстрировать свои способности в доме 233 на Бродвее, поскольку привыкли работать в собственных гостиных.

Путешествуя по Европе, Берд познакомился в Берлине с одним исследователем с «лучшей в мире лабораторией, оборудованной для исследования парапсихологических явлений, и он не смог заманить туда ни одного медиума». Представляя себе экстрасенса, окруженного пятьюдесятью семью разнообразными приборами, Берд вполне понимал, почему медиумы не стремятся попасть в эту лабораторию. И теперь, возможно, та же участь постигнет и «В мире науки».

Комиссия намеревалась использовать необычайно хитроумные приспособления для исследования паранормального – такие еще не применяли для измерения сверхъестественных способностей. В демонстрационной комнате экстрасенс увидит не только членов жюри, но и разнообразные современные датчики и приборы. Чтобы убедиться в отсутствии каких-то мошеннических способов выработки эктоплазмы, комиссия требовала тщательнейшего обыска медиума. Кроме того, на сеанс экстрасенсу придется одеться вовсе не в белую тунику дельфийского оракула: комиссия еще не решила окончательно, но пока что рассматривалось два варианта облачения для эксперимента – черный купальный костюм или накидка из мешковины. В демонстрационной комнате члены комиссии свяжут экстрасенса веревкой, чтобы тот не мог пользоваться конечностями для обмана. Слово этих мер предосторожности было недостаточно, медиума планировалось еще и накрыть противомоскитной сеткой для дальнейшего ограничения движений. Свет препятствовал выделению эктоплазмы, и редакция «В мире науки» не оспаривала этот тезис, но для испытания планировалось пометить руки и ноги медиума флуоресцентной краской на основе солей радия, чтобы члены комиссии могли заметить в темноте все подозрительные движения их подопытного.

Берд считал, что на результаты подобных испытаний в Европе могли повлиять эмоции участников спиритического сеанса, ведь многие из них потеряли родных. К тому же эти эксперименты в основном проводились уже пожилыми исследователями, чьи способности к точному восприятию реальности уже притупились. В отличие от европейских

экспериментов, журнал «В мире науки» должен был сделать вывод о присутствии астральных существ исключительно на основании неопровержимых доказательств. Уолтер Принс считал, что Берду не следует раскрывать все методы исследования, придуманные Остином Лескарбура и другими сотрудниками, отвечавшими за техническую сторону вопроса. Он опасался, что подробное описание методов отпугнет медиумов, которых и так нелегко найти. Но если экстрасенс действительно обладает сверхъестественными способностями, с чего ему бояться хитроумных научных приспособлений? В демонстрационной комнате планировали установить индукционные катушки, гальванометры и электроскопы – все это для измерения изменений электрических полей в тот момент, когда медиум задействует свои силы. Кроме того, эти приборы должны были определить, состоят ли эти так называемые духи из материальных частиц. Компания Мунна уважала технический прогресс, и Берд очень гордился, описывая приборы, которыми пользовались их исследователи.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«The Most Famous Man in America», на русский язык книга не переводилась.

«Death in the City of Light», на русский язык книга не переводилась.

«Gost Hunters» и «The Poisoner's Handbook», на русский язык книги не переводились.

«Freethinkers» и «The Age of American Unreason», на русский язык книги не переводились.

«Native American Son: The Life and Sporting Legend of Jim Thorpe», на русский язык книга не переводилась.

«Unbelievable: Investigations into Ghosts, Poltergeists, Telepathy, and Other Unseen Phenomena, from the Duke Parapsychology Laboratory», на русский язык книга не переводилась.

Цитата приведена по изданию: Агриппа Генрих Корнелий. Оккультная философия. – М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1993. – 118 с.

Цитата из «Притчи о старце и отроке» приведена в переводе Е. Лукина.

Здесь и далее в книге все меры переведены в метрическую систему.

«The World Is Waiting for the Sunrise» – песня из бродвейского мюзикла «Девушка Ривьеры», впоследствии ставшая необычайно популярной в Америке и исполнявшаяся многими джазовыми музыкантами.

«The Right Way to Do Wrong» – книга Гарри Гудини 1908 года, на русский язык не переводилась.

Боже мой (нем.).

Также Робер-Гуден.

«The Miracle Mongers and their Methods», на русский язык книга не переводилась.

Цитата из книги «Дорога на Уиган-пирс» приведена в переводе В. М. Домитеевой.

«Давайте! Давайте!» (фр.)

Здесь и далее в книге все цитаты из Библии приведены в синодальном переводе.

Имеется в виду Американское объединение матерей Золотой звезды – организация, созданная для поддержки матерей, потерявших своих детей на войне.

Цитата из эссе «Отзвуки века джаза» приведена в переводе А. Зверева.

Журнал предлагал две награды по две с половиной тысячи долларов каждая: одну – за физическое проявление экстрасенсорных способностей, другую – за подлинную астральную фотографию. Сумма в две с половиной тысячи долларов соответствует приблизительно тридцати пяти тысячам долларов в 2014 году. (*Примеч. авт.*)

Фамилию этого психолога традиционно переводят на русский язык как Джемс, при этом фамилию его родного брата, писателя – как Джеймс. В книге здесь и далее используется более правильный вариант перевода – Уильям Джеймс.

«Magician Among the Spirits», на русский язык книга не переводилась.

Цитата из эссе «Отзвуки века джаза» приведена в переводе А. Зверева.

Лили Дейл и Кассадага – две спиритуалистские общины в США.

Единица административного деления города Нью-Йорк.

Нужно отметить, что дух при этом допустил две ошибки: во-первых, по его словам, одним из спутников Берда на Бруклинском мосту была женщина, а во-вторых, он ошибся в определении точной даты той прогулки. (*Примеч. авт.*)